

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФИЛИАЛ ВОЕННОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВМФ
«ВОЕННО-МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ имени Н.Г. КУЗНЕЦОВА»
(г. Владивосток)

А. С. ГОЛОБОКОВ

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
В АЗИАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
МНОГОСТОРОННЕГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

Владивосток
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЕННЫЙ УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВМФ
«ВОЕННО-МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ имени Н. Г. КУЗНЕЦОВА»
(ФИЛИАЛ, г. ВЛАДИВОСТОК)

А. С. ГОЛОБОКОВ

**КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В
АЗИАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
МНОГОСТОРОННЕГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Владивосток

2013

УДК 327.8(51)

ББК 66.4(0),03

Г 61

Рецензенты: *Азизян Р.М.*, д. полит. н., профессор (ЦИПБ АТР, Гонолулу)
Севастьянов С.В., д. полит. н., профессор (ШРМИ ДВФУ)

Голобоков А.С.

**Китайская народная республика в азиатских организациях
многостороннего сотрудничества**

– Владивосток: ВУНЦ ВМФ «ВМА им. Н. Г. Кузнецова» (филиал г. Владивосток), 2013. –
116 с.

ISBN 978-5-88570-263-8

В монографии рассматриваются опыт, проблемы и перспективы участия Китая в азиатских многосторонних институтах. Исследуется влияние внешнеполитических концепций КНР на его стратегию в международных организациях АТР и Центральной Азии. Анализируются причины и следствия интереса Китая к региональной интеграции в рамках АТЭС, ШОС, АПТ, ЦАРЭС и т. д. Рассматриваются различные аспекты экономического сотрудничества, а также специфика взаимодействия в области региональной безопасности между КНР и другими участниками этих объединений. Анализируются проблемы контактов Китая с США и ЕС в рамках многосторонних институтов. Оцениваются перспективные направления и возможности расширения азиатских интеграционных процессов с участием Китая.

Для политологов-международников, преподавателей, студентов и аспирантов, интересующихся внешней политикой КНР.

Andrey S. Golobokov.

CPR and the Asian multilateral organizations – Vladivostok:
Kouznetsov Naval Academy, 2013. – 116 pp.

The experience, problems and prospects of China's participation in Asian multilateral institutions are analyzed in this monograph. The author explores influence of CPR's foreign-policy concepts on its strategy in international organizations of the APR and the Central Asia. Causes and consequences of China's interest to regional integration in APEC, SCO, APT, CAREC, etc. are analyzed. Different aspects of economic cooperation and regional security's interaction between CPR and participants of these institutions are analyzed. Problems of China's contacts with USA and EU in multilateral institutions are explored. The author estimates further directions of Asian integration and China's role in this process.

For political scientists, lecturers, scholars and students interested in CPR's foreign policy.

© Голобоков А.С., 2013

© ВУНЦ ВМФ «ВМА им. Н. Г.
Кузнецова», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
В качестве предисловия	6
ВВЕДЕНИЕ	8
Глава 1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КИТАЯ КАК ОСНОВА ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	12
1.1. Концепций много – путь один	12
Немного из истории	12
Теории многополюсности, «антигегемонизма» и «нового международного порядка»	15
«Новая концепция безопасности»	18
Концепция “стратегического партнерства”	19
Концепции «идти вовне», «научного развития» и «гармонизации мира»	20
1.2. Внешнеполитическая концепция Китая и регионализм в Большой Восточной Азии.	23
О подходе Пекина к геополитическим границам региональной стратегии.	24
Интерес Китая к региональной интеграции в БВА: причины и следствия	26
Глава 2. ОПЫТ УЧАСТИЯ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ АТР...	30
2.1. Китай и АТЭС: столкновение цивилизаций или поиск компромисса?	31
2.2. Участие КНР в многосторонних структурах при АСЕАН	39
2.3. Китай на региональных форумах по	

безопасности и в механизмах переговорных процессов АТР	48
2.4. Азиатско-тихоокеанский регион и Китай – что в перспективе?	
Глава 3. КНР В МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	52
3.1. КНР и Программа центрально-азиатского экономического сотрудничества.	60
3.2. Китай и ШОС – новая модель региональной интеграции?	61
Как все начиналось	65
Китай и другие участники ШОС.....	66
Об экономических аспектах взаимодействия ШОС ...	69
КНР и вопросы безопасности в рамках ШОС.....	73
3.3. Перспективы регионализма в Центральной Азии и роль Китая	79
Безопасность или экономика?	84
Расширение ШОС и новые модели интеграции.....	85
Центральная Азия - возможности взаимодействия Китая с США и Западом есть.....	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
Список литературы	
ПРИЛОЖЕНИЯ (документы и материалы)	99
<i>Приложение 1</i>	102
<i>Приложение 2</i>	108
<i>Приложение 3</i>	108
<i>Приложение 4</i>	109
<i>Приложение 5</i>	110
<i>Приложение 6</i>	111
	112
	113

От автора

Прежде чем перейти к повествованию, я хотел бы поблагодарить тех людей, которые своим вниманием, профессиональными взглядами и просто дружеским отношением внесли щедрый вклад в данное исследование.

Моя особая благодарность Сергею Маратовичу Смирнову, без идейной поддержки со стороны которого не состоялась бы мое становление в научной среде, а значит – и эта работа.

Профессору Сергею Витальевичу Севастьянову, одному из больших специалистов по данной проблематике, который объяснил основные положения теории исследуемого предмета, упорядочил знания и направил мысли в нужное русло.

Хочу выразить признательность Владимиру Федоровичу Печерице, который, будучи моим научным руководителем, оказал неоценимую помощь в написании диссертации, заложенной впоследствии в основу данной работы.

Мой долг поблагодарить моего отца, Сергея Анатольевича Голобокова, по-настоящему преданного своему делу и много давшего мне не только в научном, но и в морально-этическом плане. Его энтузиазм, энергия и профессиональная логика во многом способствовали и моим научным успехам.

Хочу также поблагодарить Анну Витальевну Боярченко, чьи ценные советы и опыт корректорской работы оказались в нужный момент как нельзя кстати.

В качестве предисловия

В настоящее время существует достаточно много трудов, посвященных изучению феномена Китая в глобальном и региональном контексте. По этой причине данную работу вряд ли можно назвать уникальной. Политологическая мысль стремительно развивается и практически не оставляет незатронутых мест в этой и других областях.

Данное исследование, однако, не является узконаправленным и посвящено не только политике Китая. В более широком смысле, эта работа затрагивает проблемы и перспективы целого ряда процессов, происходящих в Азии. Это и проблемы региональной безопасности, и особенности построения интеграционных моделей участниками межгосударственных объединений, и специфика развития экономического сотрудничества на обширном азиатском пространстве.

В то же время, подход к теме, основанный на стратегии Китая в международных институтах неслучаен. Специфические взгляды на внешнюю политику и особенности становления КНР в качестве региональной державы оказали влияние на формирование именно такой архитектуры региона, какой мы ее видим сегодня. Более того, эволюция региональной архитектуры происходит непрерывно, буквально на наших глазах, а Китай играет в этом процессе одну из определяющих ролей.

Стоит обратить внимание на то, что со времени окончания Вьетнамской войны в 1973 г. в Азии не было крупных вооруженных конфликтов. И хотя в последние годы в АТР обострились территориальные споры между КНР, Японией, Филиппинами, Вьетнамом и Брунеем, а также идеологические разногласия между

обеими Кореями, до открытых военных действий дело пока не дошло.

Как бы там ни было, в этом есть заслуга и азиатской интеграционной модели. Тесная взаимозависимость стран региона, их желание сохранить от вмешательства извне собственные экономические модели, влияние восточноазиатских культурных традиций за много лет «научили» азиатский регион сопротивляться эскалации конфликтов. Заметим, что сами конфликты зачастую «подогреваются» внешними игроками. Это не является следствием развития азиатской интеграции, а характерно в наши дни практически для любой точки мира, где разворачивается международный конфликт.

И хотя интеграционные возможности в Азии во многом ослаблены контрастом между Китаем, другими великими державами и более слабыми странами региона, именно здесь можно наблюдать, как страны, непохожие друг на друга культурными и историческими корнями (а нередко - и идеологические противники) сходятся за одним столом и взаимодействуют по многим вопросам ради собственного развития.

Все это очень важно для России, которая сегодня прилагает огромные усилия в рамках АТЭС, ШОС и других объединений и форумов к тому, чтобы «пробиться» в регион и найти в нем свое место. Опыт Китая, руководство которого разделяет позиции России по многим международным проблемам, был бы полезен при поиске нашим государством наиболее эффективной и продуманной стратегии для взаимодействия с другими игроками на данном «поле».

Поэтому с точки зрения автора, тема данной работы, безусловно, актуальна – как в теоретическом, так и в практическом смысле.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни не только в политологических, но и во многих других кругах популярно выражение: «XXI столетие – век Китая». О том, что «красный дракон» сегодня выступает в качестве одного из основных факторов не только азиатско-тихоокеанского, но и общемирового развития, можно судить по тенденциям, которые складываются в АТР и прилегающих регионах.

Взять хотя бы одно из важных региональных событий современности – саммит организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) 2012 г. во Владивостоке. Его итог продемонстрировал, что Китай вполне готов потягаться с США как за ключевое место в общемировых процессах, так и за роль «геостратегического лидера» в АТР.

На протяжении всего мероприятия делегация КНР вела чрезвычайно активную деятельность. В связи с отсутствием на данном мероприятии президента США Барака Обамы внимание участников саммита переключилось на руководителя китайской делегации Ху Цзиньтао, который в своих выступлениях фактически сосредоточился на внутренних задачах КНР.

Нынешнее китайское руководство во главе с Си Цзиньпином взяло четкий курс на обеспечение нового места страны в глобальной политике, позволяющего Китаю играть одну из основных ролей в формировании мировой политической архитектуры. И хотя Китай никогда не отходил от идей Дэн Сяопина «не становиться лидером» и «не привлекать к себе внимания», очевидно, что в условиях складывающегося регионального порядка и с учетом усилий, прилагаемых китайскими дипломатами происходит как раз наоборот.

Возникает справедливый вопрос – можно ли судить о региональной стратегии Пекина по заявлениям, сделанным в рамках

саммита АТЭС?

Вероятнее всего нет. Ведь на обширном азиатском пространстве существует множество различных институтов – Ассоциация стран Юго-восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-европейский форум (АЗЕМ), Восточно-азиатский форум (ВАС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и т. д.

Поскольку Китай выступает участником этих объединений, вполне естественно, что направления его стратегии зависят и от поведения других стран-участников, и от задач, поставленных перед институтами.

Заметим, что влияние государств на деятельность многосторонних организаций – это вполне нормальный и закономерный процесс. Занимая ведущие позиции в институтах, их участники стремятся воспользоваться представленными возможностями для получения информации об интересах, предпочтениях и намерениях друг друга, а также для выдвижения и реализации приоритетных задач своего внешнеполитического и социально-экономического курса.

Вряд ли можно усомниться в том, что именно «сильные» государства (Китай, США, Россия и др.) обладают решающим влиянием на процессы в рамках международных институтов и формируют их политику безопасности, так как заинтересованы в предсказуемости поведения остальных участников. Эта точка зрения прослеживается у последователей целого ряда политических школ¹.

В то же время, как показывает практика, многосторонние институты – это наиболее эффективное подспорье для «слабых» и менее влиятельных стран, поскольку только посредством групповой

---

¹ См. например: Martin L. An Institutionalist View: international institutions and state strategies / In eds. by Hall J. and T. V. International order and the future of world politics. Cambridge, 1999. P. 85; Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security. 1998. Vol. 18. № 2. P. 76; Keohane R. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy. 1998. Spring. № 110. P. 87.

дипломатии они способны повлиять на действия более крупных участников.

Важную роль здесь играет и региональная специфика. В Европе участники интеграционных моделей больше ориентируются на конечный результат и полагаются на жесткую структуру. В Азии же упор сделан на переговоры и консультации, вследствие чего азиатским объединениям присуща более мягкая структура, решения в которой принимаются на основе консенсуса.

С этими особенностями тесно связано и поведение Китая, который выступает в Азии одним из «сильных» государств.. Это, прежде всего, касается политики «мягкой силы»: способности достигать целей своей политики путем привлечения и сотрудничества². Постулаты этой теории широко используется Пекином на всем экономическом, политическом и военном пространстве АТР, в том числе и в региональных институтах: АТЭС, АСЕАН, ШОС и т. д.

Допустим ли данный подход? Является ли он справедливым для других государств? Забегая вперед, можно заметить, что, несмотря на критику и обвинения в излишней прагматичности, а порой и жесткости, с точки зрения соответствия национальным интересам китайская региональная стратегия является достойным примером - она неоднозначна, многогранна и, безусловно, требует изучения.

В данной работе не ставились излишне сложные задачи. Ее цель вполне конкретная – исследовать роль, интересы и стратегию Китая в многосторонних политических институтах АТР и Центральной Азии. Причина исследования институтов именно по этим направлениям будет рассмотрена ниже, однако вкратце можно сказать – Китай отдает приоритет именно этим двум регионам из соображений

---

²Нельзя не отметить контраст со стратегией «жесткой силы» США, для которой характерны, скорее, «принуждение и плата. См. Nye J. Soft Power: The Means To Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

эффективности решения вопросов экономики и безопасности.

В задачи исследования входит изучение преимуществ и проблем участия КНР в региональных организациях. Затронут вопрос зависимости институциональной стратегии Китая от его двусторонних отношений со странами – участниками. Кроме того, в работе предпринята попытка оценить перспективные направления внешнеполитической стратегии Пекина на пространстве Большой Восточной Азии.

Глава I.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ КАК ОСНОВА ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Концепций много – путь один

Немного из истории

Удивительно, но факт – при всем своем многообразии китайские внешнеполитические концепции прижились в Азии и являются сейчас составной частью того, что можно назвать азиатской «идентичностью». Стабильный «китаеццентричный» порядок существовал в Восточной Азии еще задолго до мировых войн и образования КНР. Этот порядок поддерживался «Срединным государством» на протяжении столетий и прервался лишь с вторжением со стороны западных государств в середине XIX века. Однако Китай не распался, подобно другим империям, а, наоборот, укрепился и стал самым населённым государством на планете, располагающим многомиллионной диаспорой во многих регионах мира.

В XX веке, еще до окончания «холодной войны», распада СССР и крушения двухполюсного мира китайское руководство выработало достаточно специфичную, но продуктивную линию взаимоотношений с остальными странами. Процесс ее создания был постепенным и неторопливым, что впоследствии предопределило такой же прагматичный и расчетливый подход КНР к ведению внешней политики в условиях постоянно меняющегося мира.

В ранних внешнеполитических концепциях Китая отчетливо проявились влияние политического экстремизма и теоретической неопытности китайских руководителей, а также стереотипность

понимания методов ведения политической борьбы, которая сформировалась у них еще в годы гражданской войны (1946 – 1950 гг.). К числу таких концепций можно отнести, например, теорию «трех миров» и концепцию «промежуточных зон», сформированные в первой половине 1960-х гг. Позднее они были переработаны или расширены в 1980-х гг. Дэн Сяопином.³

Большую роль в формировании международных концепций КНР сыграл геополитический фактор, что отразилось в азиатских региональных конфликтах второй половины XX в. Свою лепту внесли и особенности китайского внешнеполитического менталитета, подразумевающие урегулирование межгосударственных отношений по принципу «справедливости и рациональности». Эти установки являются прямым следствием негативного исторического опыта, прежде всего так называемого «века унижения Китая» (1840-е гг.-1949 г.)⁴.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в КНР отреагировали на произошедшие геополитические перемены, но не понизили, а подняли планку ожиданий лидерства своей страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе, что и обозначило один из важных векторов изменений будущего регионального, а затем и мирового порядков⁵. Задачами внешнеполитической стратегии КНР в этот период стали отказ от постоянных противников, обеспечение мирного стабильного окружения, и оптимизация положения Китая в структуре мировых экономических и научно-технических контактов.

В числе наиболее «долгоиграющих» постулатов китайской внешнеполитической стратегии - *«пять принципов мирного*

---

³ См., например: Бажанов Е.П. Китай и Внешний Мир. М., 1990; Капица М. С. КНР: три десятилетия – три политики. М., 1979; Эрнст Генри. Китай против Азии. М., 1979 и т. д.

⁴ Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. URL: http://elib.org.ua/politics/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1141857334&archive=&start_from=&ucat=10& (Дата обращения 4.11.2009).

⁵ Севастьянов С. В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток, 2009. С. 190.

сосуществования»: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Эти принципы были сформулированы в преамбуле соглашения между КНР и Индией о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией еще в 1954 г.⁶. «Пять принципов» присутствуют практически во всех внешнеполитических концепциях китайского руководства и упоминаются во многих официальных заявлениях КНР по сей день.

К числу теорий, повлиявших на характер азиатской стратегии Пекина, необходимо отнести *концепцию «мира и развития»*, которая была обнародована Дэн Сяопином еще в начале 1980-х гг. Согласно этой теории, двумя «наиболее крупными стратегическими проблемами в современном мире, носящими глобальный характер, являются проблема мира и экономическая проблема. Соответственно, главное внимание уделяется не военно-политическим, а политико-экономическим аспектам развития международных отношений⁷.

С этим подходом связана и более поздняя концепция *«комплексной государственной мощи»*. Ее суть в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяется не только величиной военного потенциала, но и уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом, при этом доминирующим фактором является экономический потенциал страны⁸.

---

⁶ Энциклопедия нового Китая. М., 1989. С. 155.

⁷ Арин О. О внешнеполитической стратегии КНР // Приложение к Независимой газете, «НГ-сценарии», 1999. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/o_vneshnepolit_strategii_knr.htm (Дата обращения 20.12.2009)

⁸ Остроухов О. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика междунар. отношения. 1999. № 3. С. 11.

Тенденция повышения удельного значения невоенных аспектов анализа международной ситуации в дальнейшем сыграла важную роль в 1990-2000-е гг., когда Китай перешел в своем видении мирового порядка от теории к практике. Концепции «многополюсности», «антигегемонизма», «нового международного порядка», «стратегического партнерства» и т. д., являются лучшим тому подтверждением.

Теории многополюсности, «антигегемонизма» и «нового международного порядка»

В основе *теории многополюсности* лежит смена восприятия мира в китайских политических кругах как двухполюсного, разделённого идеологическим, политическим, экономическим и военным противостоянием. В ней также выразилось стремление китайских руководителей к проведению независимого политического курса на мировой арене.

С этой концепцией в Китае тесно связывают формирование регионального порядка в АТР и прилегающих районах. В 1980-е гг. в воплощении самого принципа многополюсности Пекин видел путь к такому мироустройству, в котором он мог бы играть более активную роль, несмотря на отсутствие адекватного силового потенциала. С ростом последнего в 2000-е гг. Китай стал претендовать уже на ведущую роль в миропорядке, хотя сам принцип остался практически неизменным.

Китайский подход к многополюсности заключается в выстраивании китайским руководством особого баланса двусторонних отношений по принципу: многополюсный мировой порядок гармоничен и безопасен, поскольку в нем выигрывает тот,

кто не воюет⁹. При этом в условиях многополюсности Китай обретает больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избежать ограничений, налагаемых ею¹⁰.

Стоит, правда, оговориться, что на протяжении эволюции взглядов руководства Китая к соседним государствам выдвигался тезис о предпочтительности двусторонней дипломатии перед многосторонней¹¹. Это объясняется наличием у китайского руководства опыта в области двусторонних отношений, при сравнительно небольшом опыте в многосторонней дипломатии в 1990-е гг. Этот факт также оказывает влияние на практические шаги КНР, но о нем – чуть позже.

Базовой линией стратегии *антигегемонизма* является «противодействие господству какой-либо нации и поддержание баланса в регионе». Очевидно, в данной интерпретации в виду имеются США, которые воздействуют на многие аспекты национальных интересов КНР: политику, экономику, безопасность¹². Противодействие американскому влиянию в азиатском регионе являлось в начале 2000-х гг. одним из основных политических аспектов, направляющих региональные векторы китайской внешней политики¹³. А сами китайско-американские двусторонние отношения до сих пор характеризуются в Пекине как нестабильные, ситуативные и непредсказуемые.

---

⁹ Собянин А., Шибатов М.. Будет ли война в Азии? Именно Китай рассматривается американцами как потенциально главный противник в XXI веке. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1201852860> (Дата обращения 21.02.2010).

¹⁰ Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэ цзицэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэмина на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники - высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 12.

¹¹ Зотов О.В. «Большая» Центральная Азия и принципы геополитики КНР. Транскаспийский проект. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/asia_china_geopolitics.htm (Дата обращения: 22.10.09)

¹² Лю Цзянфей. Лэнчжань хоу мэйгодэ бацюань чжанлюе цзици чжюэ инсу (Стратегия гегемонии и фактор расширения мощи США в период после «холодной войны») // Чжунгун чжуньян дансяо хюэбао. 1998. С. 2.

¹³ Chinese Modern International Research institute: «International Strategy And Security Situation 2001/2002». P. 58.

Популярности данной теории способствовали серьезные различия взглядов США и КНР по широкому кругу проблем: поддержка США стремления к независимости Тайваня, вмешательство США во внутренние дела КНР по правам человека, усиление военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и т. д. В теории «антигегемонизма», отразились и элементы регионального баланса, в котором Пекин выступает не просто против «превосходства», а против регионального присутствия США.

В свою очередь, концепция *нового международного порядка* основана на представлении китайского руководства о том, что стабильность международного порядка зависит от «общепринятых стандартов». Еще в 1997 г. на XV съезде ЦК КПК Цзян Цзэминь отметил в числе угроз несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов.

При этом «новый международный порядок» состоит как бы из двух частей: 1) «Новый мировой политический порядок»; 2) «Новый мировой экономический порядок». Он может предполагать «завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹⁴.

В этом смысле положения данной концепции удовлетворяют потребности китайского руководства противостоять США на региональной арене, а также демонстрируют стремление китайского руководства к региональному экономическому лидерству.

---

¹⁴ Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. URL: http://elib.org.ua/politics/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1141857334&archive=&start_from=&ucat=10& (Дата обращения 4.11.2009).

«Новая концепция безопасности»

Необходимость утвердить новое понимание безопасности появилась в КНР с потерей значения традиционных форм оборонительной дипломатии, существовавших в форме военных союзов, в новых условиях международной обстановки после окончания «холодной войны».

В основе «новой концепции безопасности» лежат положения теорий коллективной безопасности и реализма (баланса сил) в международных отношениях, реализуемых в виде поэтапного многостороннего диалога, дополняющего односторонние оборонительные союзы»¹⁵.

В данной теории наиболее сильно проявилось изменение мировоззренческого и идеологического влияния на проблемы обеспечения безопасности, инициированные Пекином на международной арене. В выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., Цзян Цзэминем был закреплён ряд основополагающих принципов «новой концепции безопасности»¹⁶:

1. Гарантированный мир и поступательное сотрудничество являются благословением для народов большинства стран, их общим желанием и неопровержимой исторической традицией, а развитие стран и народов в мирной международной обстановке - достижимой задачей. Народы соседних стран могут жить в мире и гармонии настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий.

2. Взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества

---

¹⁵ Zhang Wutang. Security situation in Northeast Asia and the prospects of security cooperation // The 1st Northeast Asia Defence Forum. KIDA. Seoul, Korea. November 3-5, 1993. P. 10.

¹⁶ Цзян Цзэминь. Цюаньмян цзяншэ сяокан шэхуй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуйчжуи шиэ син цзюймянь (Всесторонне строить общество малой зажиточности, создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой). Пекин, 2002.

между странами. Ни одна страна мира не может позволить себе защиту интересов национальной безопасности, опираясь исключительно на внутренние ресурсы. Обеспечение национальной безопасности возможно только на основе международного и регионального сотрудничества, отражает идею многополярности мира и неприятие односторонних действий.

3. Принцип общей выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие «суверенитета» – это единственное, что делает различные по своим возможностям государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение принципа государственного суверенитета.

Концепция «стратегического партнерства»

Несмотря на то, что эта теория наиболее близка нынешнему состоянию российско-китайских отношений, она обосновывает двусторонние партнерские отношения КНР и с другими соседними государствами (при условии, что они основаны на долговременных и устойчивых совместных интересах). Концепцию «стратегического партнерства» можно считать своеобразным «симбиозом» теорий «новой безопасности» и «нового международного порядка» с традициями китайской дипломатии.

К примеру, в теории отражена древняя идея защиты экономического и культурного ядра китайского «срединного» государства с помощью буферных зон и зависимых стран, путем установления и развития союзнических или партнерских отношений с государствами на периферии Китая¹⁷. Реализован и один из древнейших принципов китайской стратегии – «побеждать не

---

¹⁷ Сунь Цзяньшэ. Данцянь чжунго чжоубянь аньцюань хуаньцин юй чжунмэй гуаньси (Современная безопасность на периферии Китая и американо-китайские отношения) // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2003. № 3. С. 65, 66.

сражаясь», гибко действовать приемами сотрудничества всеми мыслимыми средствами (или «цзинши цзиминь» - «управление миром, помощь народам»)¹⁸.

При этом по мнению китайских стратегов, именно развитие экономического сотрудничества с соседними странами приводит к формированию устойчивых общих интересов стран региона и, соответственно, к созданию надежных механизмов региональной безопасности¹⁹.

Концепции «идти вовне», «научного развития» и «гармонизации мира»

Концепция «идти вовне» была разработана Цзян Цзэмином и представлена им в марте 2000-го года²⁰. Вкратце она предусматривает многократный рост экспорта и объема ВВП и завоевание международных рынков с целью обеспечения беспрепятственного развития стратегии регионального лидерства КНР. Ее инструменты - поощрение миграции и всемерное усиление зарубежной китайской диаспоры.

Известно, что важным компонентом внешней политики Пекина выступает содействие повышению устойчивости и конкурентоспособности китайской экономики в условиях открытости мировому рынку. Одним из основных способов осуществления теории «идти вовне» выступает активное вовлечение других стран в экономический обмен, при сохраняющемся принципе невмешательства КНР в их внутренние дела.

При этом в теории «идти во вне» отражен принцип проведения

---

¹⁸ Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньюедэ дунмэн кэти (Вопросы китайской национальной стратегии) // Дандай ятай. 2003. № 6. С. 12.

¹⁹ Янь Сюетун. Дуй Чжунго аньцюань хуаньцин дэ фэньси юй сыкао (Анализ и суждение безопасности Китая) // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2000. № 2. С. 9, 10.

²⁰ Гельбрас В. Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации // Восток. 2007. № 1.

внешней политики в тесной связи с национальными интересами. В марте 2008 г. министр иностранных дел Китая Ян Цзечи объявил об «увеличении ответственности Китая за международные процессы», с оговоркой, что это должны быть такие процессы, которые отвечают национальным интересам страны. Главным фактором, который при этом обеспечил бы Китаю его национальный интерес было названо именно экономическое развитие²¹.

Дальнейшее развитие положения теории «идти во вне» нашли в концепциях «научного развития» и «гармонизации мира», которые были закреплены в 2007 г. Ху Цзиньтао. Занимая центральное место в числе теорий внешнеполитического развития Китая второго десятилетия XXI века, эти теории являются вкладом четвертого поколения китайских руководителей в построение социализма с китайской спецификой.

Концепция «научного развития» была сформирована на основе анализа китайским руководством изменений, произошедших в политической, экономической и социальной сферах, обобщения практики и заимствования зарубежного опыта развития, в свете новых требований самого развития, с учетом основных реалий и достижений китайского социализма. Основные реалии «научного развития» - всесторонность, гармоничность и устойчивость, а методологией теории выступает единое и комплексное планирование²².

В более общем смысле концепция «научного развития» подразумевает поддержание «и качественного, и быстрого» экономического развития при постепенном переходе от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста, ослаблении

---

²¹ Richard N. Haass Bringing China into the fold // Newsweek. Dec 2008-Jan 2009.

²² Подолько Е. 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки // Политический журнал. 2007. № 30. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=7472&issue=205> (Дата обращения 20.03.2011)

проявившихся ресурсных и экологических ограничителей бурного развития страны.

Реализация этих, на первый взгляд формальных постулатов принесла Пекину большой успех – если в 2002 г. по ВВП Китай был на пятом месте в мире, то в 2012 г. – уже на втором²³. Очевидно, однако, что одной лишь сбалансированной экономической модели для трансформации в мировую сверхдержаву Китаю явно недостаточно.

Тесно связанная с теорией «научного развития», концепция *«гармонизации мира»* является частью задачи, провозглашенной Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, – построение в Китае «гармоничного общества», в качестве ответа на различные противоречия, связанные с усложнением отношений внутри и вне страны. Сюда китайцы относят и мультиполяризацию мира при углублении глобального и регионального сотрудничества, и усиление гегемонизма и силовой политики и возникновение проблем в различных регионах мира²⁴.

В контексте концепции «гармонизации» китайское государство – органичная составная часть процесса глобализации. Инструментами концепции выступают продвижение во внешний мир достижений китайской культуры и науки, пропаганда и поддержание позитивного цивилизованного образа Китая, курс на гармонизацию международных отношений и мира в целом²⁵.

Так, например, китайское руководство заинтересовано в пропаганде китайского языка и использует для этой цели целую сеть институтов Конфуция: центров изучения китайского языка и пропаганды традиций китайской культуры по всему миру. Китайское

---

²³ Лузянин С. Китай между жесткостью и мягкой силой. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=10627> (Дата обращения 4.11.2009).

²⁴ Бавырин Д. «Сяокан» вместо «чучхе» // Взгляд. 2007. 15 окт. URL: <http://www.vz.ru/politics/2007/10/15/117534.html> (Дата обращения 20.03.2011).

²⁵ Титаренко М. Л. XVII съезд КПК. «Перспективы светлые, но путь извилистый» // Золотой Лев. № 138-139. URL: http://www.zlev.ru/138/138_27.htm (Дата обращения 21.03.2011).

центральное телевидение (CCTV) вещает на шести языках. Постоянно расширяет охват аудитории и международное радио Китая. К слову, здесь виден уже системный характер теории «мягкой силы».

* * *

Можно подытожить, что внешнеполитические концепции взаимосвязаны и последовательно дополняют друг друга. Их общие принципы - налаживание и поддержание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества и создание внешнего мирного окружения страны, благоприятного для дальнейшего экономического развития.

Стремление к тому, чтобы Китай не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками, также можно считать связующим звеном концепций. И хотя Китай реализует эти теоретические установки «мягко», основываясь на принципе невмешательства в дела других стран, это не означает, что Пекин в будущем не сможет совмещать с «мягким» влиянием и жесткие политические меры.

1.2. Внешнеполитическая концепция КНР и регионализм в Большой Восточной Азии

Согласно одному из традиционных подходов, регионализм являет собой организованную форму межгосударственного сотрудничества, или интеграции между соседними странами²⁶. Регионализм может быть как максимально открытым для внешнего мира (регионализм открытого типа), так и замкнутым и жестко

---

²⁶ Wyatt-Walter A. Regionalism, globalization, and world economic order / In eds. by Fawcett L., Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 74-121.

институализированным (регионализм закрытого типа). Существует и так называемый «новый регионализм» - его можно понимать как государственную стратегию, призванную одновременно соответствовать и приоритетам внутренней политики страны, и принципам глобальной политической экономики²⁷.

Несмотря на многообразие китайских внешнеполитических концепций, в большинстве из них регионализм рассматривается как одна из объективных тенденций глобализации и воспринимается положительно, при условии, что это не ущемляет политические, экономические и стратегические интересы Китая в мире и регионе.

Для Китая, разумеется, имеет значение, в каком направлении осуществляется регионализм. В соответствии с рассмотренными в предыдущем параграфе концепциями «стратегического партнерства», «нового международного порядка» и т. п., для КНР важно укреплять отношения, прежде всего, с соседними странами. Однако и здесь не все так просто.

О подходе Китая к геополитическим границам региональной стратегии

Стоит упомянуть, что базовым понятием для Китая является не АТР, а азиатский регион. На основе взаимозависимости в области безопасности Азия, по мнению Пекина, состоит из подрегионов Восточной, Южной и Центральной Азии²⁸. Это отражается на формулировании направлений региональной стратегии КНР, однако отношение к приоритетам этой стратегии разнится даже в самом Китае.

---

²⁷ Gamble A., Payne A. (eds.). *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Macmillan, 1996. P. 247.

²⁸ Alagappa M. Introduction / In eds. by M. Alagappa *Asian Security practice: material and ideational influences*. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 3, 4.

Одни из исследователей подчеркивают значение в региональной стратегии КНР западного направления²⁹. Другие настаивают, что основные стратегические приоритеты КНР, связанные с территориальной целостностью страны располагаются на востоке, в АТР³⁰. Третьи же заявляют о том, что «основной точкой опоры для китайской внешней политики и дипломатии являются периферийные регионы на восточном и южном направлениях»³¹.

Чтобы привести эти суждения к некоей упорядоченности, можно обратиться к понятию «Большая Восточная Азия» (БВА), разработанному профессором А. Д. Воскресенским.

В БВА вкладываются такие встречные потоки мировых тенденций, как укрепление влияния Китая, включение Китая и Японии в интеграционные процессы со странами АСЕАН, усиление экономических и военно-политических позиций Индии, активизация США в Центральной Азии. Эти явления «стягивают» воедино четыре «старых» региона – Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, что способствует формированию на этом обширном пространстве нового геополитического регионального комплекса³².

В китайской стратегии можно увидеть два основных направления развития региональной интеграции в пределах БВА: юго-восточное, (или азиатско-тихоокеанское), и северо-западное (или центрально-азиатское) (Приложение 1). Сделать это можно с одной оговоркой.

---

²⁹ Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи // Дандай ятай. 2003. № 6. С. 21-24.

³⁰ Чжао Чанцин. Дунмэн, шанхай хэцзо цзучжи юй чжунго (Китай, АТР и ШОС) // Дандай ятай. 2003. № 11. С. 11, 12.

³¹ Янь Сюэтун. Чжунго вайцзяо сю лицзу чжоубянь (Периферийные регионы как основная точка опоры китайской внешней политики) // Ляован. 2000. № 11. С. 49.

³² Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. С. 35. Его же. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. А. В. Торкунова. М., 2007.

Как известно, «Китай не вступает в союзнические отношения ни с одной из стран и не примыкает ни к одной стране или группе стран»³³. С другой стороны, стремление китайского руководства к реализации политики «мягкой силы» на экономическом и политическом уровнях в международных и региональных организациях очевидно. Рассмотрим причины, обусловившие такой порядок.

Интерес Китая к региональной интеграции в БВА: причины и следствия

До конца 1970-х гг. Китай отвергал идеи регионализма, видя в них средство продвижения интересов США и Японии. Затем отношение к региональной интеграции стало постепенно смягчаться. В конце XX в. число межправительственных международных организаций, в которых присутствовал Китай, увеличилось до 52, а неправительственных – до 1163³⁴.

Наиболее существенными факторами, повлиявшими на интерес руководства КНР к реализации политики в региональных межгосударственных институтах АТР, можно назвать следующие:

- «Вакуум» силы, существовавший в Азии на рубеже 1980-х – 1990-х годов и выразившийся в неспособности других великих держав создать политический или экономический альянс в АТР, который бы координировал региональную политику этих государств;
- Рост экономики Китая и вступление его в ВТО в 2001 г. повысили уверенность государства в своих силах. Китайская дипломатия к этому времени уже приобрела богатый опыт участия в

---

³³ См. доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК // Документы XVII Всекитайского съезда коммунистической партии Китая. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (Дата обращения 12.11.2009)

³⁴ Тимофеев О. А. Американско-китайское взаимодействие в рамках многосторонних организаций и структур: опыт для России // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С.51.

региональных и глобальных многосторонних структурах (ООН, ПАФТАД, АСЕАН, АТЭС, СТЭС и др.);

– Благодаря своему конструктивному поведению во время финансового кризиса 1997-1998 гг. Китай снискал авторитет среди восточноазиатских соседей. Тогда Пекин предоставил займы наиболее пострадавшим странам и отказался от девальвации юаня, которая могла бы помочь китайской экономике, но сильно осложнила бы положение многих государств ЮВА;

– В Пекине понимали, что продолжение военного присутствия США в регионе является дестабилизирующим фактором, но решить эту проблему самостоятельно не представляется возможным. Более того, втягиваться в прямую конфронтацию с США по данному вопросу было не в интересах КНР. Поэтому Китаем были предприняты попытки поиска многосторонних политических механизмов, приемлемых для сдерживания американских региональных интересов³⁵.

С 1979 г. китайские ученые стали участвовать в конференциях ПАФТАД (Тихоокеанской конференции по торговле и развитию), а в 1986 г. Китай вступил в СТЭС (Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству)³⁶. Интерес Китая к региональной интеграции проявился и в активизации его участия в проекте развития бассейна реки Меконг, и в организации ежегодного форума в Боао на острове Хайнань (задуманного как «азиатский Давос»).

После распада СССР, в 1990-е годы начал быстро расти интерес Китая к еще одному направлению – Центральной Азии. По сравнению с направлением АТР, где первые международные

---

³⁵ Причем, многие американские политики также полагают, что практические действия Пекина направлены на ограничение влияния Вашингтона в Восточной Азии, в том числе и путем создания региональных организаций без его участия. Цит. по: Севастьянов С. В. Межправительственные организации Восточной Азии... С. 107.

³⁶ Цит. по: Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2009. С. 187.

организации с участием Китая были созданы еще в 1960-е гг. XX в., этот регион является относительно новым полем деятельности китайской политики регионализма. Заметим, что, хотя многие исследователи в начале 2000-х гг. характеризовали Центральную Азию «как сферу внешних стратегических рубежей КНР»³⁷, в самом Китае избегали давать определенную геополитическую оценку значимости региона, называя Центральную Азию «промежуточным регионом», или буфером между Китаем и «другими силами»³⁸.

В 1990-е гг. просматривалось, как минимум, два критерия, которым отвечало усиление китайского экономического влияния в странах Центральной Азии: соответствие жизненным экономическим интересам Китая и недопустимость его замены влиянием другой страны или группы стран. Приверженность этим критериям продолжилась в Китае и в 2000-е гг. Китайский ученый Ся Ишань замечает, что центрально-азиатские государства обладают богатыми ресурсами и являются дружественно настроенными соседями³⁹. Другой ученый, Ван Хайюнь отмечает, что Китай, придерживаясь во внутренней политике цели «форсированного развития северо-западного региона», крайне заинтересован укреплять свои позиции в приграничных с Китаем государствах Центральной Азии⁴⁰.

Основными факторами, влияющими на политику КНР на центрально-азиатском направлении можно назвать:

– Необходимость поиска и создания на этом направлении надежных источников поступления сырья, посредством доступа к богатым ресурсами российским и центрально-азиатским рынкам;

---

³⁷ Кам Сам Гу. Китай и Центрально-Азиатский регион (взгляд из Сеула) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №5. С. 39.

³⁸ Волохова А. Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе оценки китайских политологов. 2003. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-155.pdf> (дата обращения 8.08.2010)

³⁹ Ся Ишань. Ситуация в энергетике Китая и стратегия ее развития // Жэньминь жибао. Пекин, 2004.

⁴⁰ Ван Хайюнь. Стратегическое значение углубления российско-китайских отношений // Гоцзи вэньти яньцзю. 2005. № 3. С. 5-8.

– Географическую близость Китая к Центральной Азии и связанную с этим сильную уязвимость приграничных районов КНР (Синьцзян, Ганьсу, Шаньси, Внутренняя Монголия). Это также обусловлено ростом экономической взаимозависимости и политической нестабильности некоторых из стран региона;

– Относительно слабый доступ к центрально-азиатскому рынку большей части развитых стран, с чем связано желание Пекина занимать здесь, наряду с Россией, одну из ведущих позиций.

* * *

Следует заметить, что отношение китайской внешнеполитической стратегии к региональной интеграции весьма неоднозначно. С одной стороны, в основе этой стратегии лежит поддержание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества и создание внешнего мирного окружения страны, благоприятного для дальнейшего экономического развития.

С другой, связующим звеном концепций внешней политики Пекина является проведение этой политики в соответствии с национальными интересами. То есть, на практике китайские стратеги не выходят за пределы положений традиционного реализма: наращивание национальной мощи, игра на противоречиях между другими державами и создание собственной сферы влияния. Такой подход обусловлен историческим опытом Китая, его внутренним развитием и прагматичной оценкой мироустройства.

Это, впрочем, не означает, что Пекин извлекает выгоду из интеграционных региональных процессов в АТР и Центральной Азии, невзирая на интересы остальных участников. Мы намеренно ограничились двумя этими направлениями, чтобы подчеркнуть разносторонность интересов КНР по каждому из них. В следующих главах эта специфика будет рассмотрена более подробно.

Глава II.

ОПЫТ УЧАСТИЯ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ АТР

В первой главе мы упоминали о двух типах регионализма – «открытом» и «закрытом». Это упоминание не случайно, поскольку в Азиатско-тихоокеанском регионе существуют две противоположные тенденции регионостроительства. Одна из них основывается на открытом для всех членстве и интеграции региона в общемировые процессы. Другая, напротив, отстаивает принцип изоляции региона от «западного» влияния и внедрение идей паназийства. Баланс приемлемости данных идей в рамках АТР постоянно меняется, в зависимости от ситуации в мире. Наиболее резкие изменения отмечались в периоды окончания «холодной» войны и Азиатского финансового кризиса 1997 – 1998 гг.

Несмотря на большое количество интеграционных процессов в АТР, наиболее крупными из региональных интеграционных процессов, в которых участвует КНР, можно считать всего два. Это процессы, касающиеся участия Китая в многосторонних структурах при АСЕАН (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии), и АТЭС (форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества).

Это совершенно разные по своему характеру организации. АСЕАН представляет собой яркий пример «закрытого регионализма» и объединяет исключительно страны Юго-Восточной Азии. АТЭС, основанный в ноябре 1989 г. на первой конференции министров иностранных дел и экономики стран АТР в Канберре, напротив, является по своему характеру открытым форумом, а его участники декларируют приверженность принципу «открытого регионализма».

Китаю, который стремится доминировать на азиатско-тихоокеанском пространстве, близки идеи именно «закрытого регионализма». Несмотря на это, КНР проявляет большой интерес к участию и в АСЕАН и в АТЭС. Это во многом связано с экономическими преимуществами, которые дает Пекину деятельность в двух интеграционных проектах.

Однако экономическое сотрудничество в АТР всегда было тесно связано с политической ситуацией. И если целью АТЭС было провозглашено повышение уровня экономического развития в странах региона, то АСЕАН, напротив, была создана под воздействием политических императивов, и экономическая интеграция явилась следствием политической консолидации стран региона. Соответственно, мотивы участия Китая в каждой из этих организаций также различаются.

2.1. АТЭС и Китай – столкновение цивилизаций или поиск компромисса?

Форум АТЭС (Приложение 2) является консультативной организацией и основан на принципе консенсусного принятия решений⁴¹. КНР, вступивший в АТЭС в 1991 году, стремится избежать политизации вопросов и жесткого администрирования этой организации и следует концепции, в соответствии с которой АТЭС должен быть максимально открыт для внешнего мира.

Китай также выступает за сохранение «метода АТЭС», базирующегося на добровольности, консенсусе, гибкости и прагматизме в качестве основного пути достижения провозглашенных форумом целей. Это дает Китаю дополнительную

---

⁴¹ Официальный сайт Секретариата АТЭС: Режим доступа: http://www.apec.org/apec/about_apec.html Время обращения: [3.02.2010 12.30]

возможность играть заметную роль на мировой арене, и не налагает на Пекин обязательств, в отношении которых у него нет уверенности, что их выполнение соответствует его интересам.

В числе главных мотивов вступления Китая в АТЭС была боязнь остаться в изоляции в ситуации, когда казалось вполне вероятным формирование трех торговых блоков – в Северной Америке, Европе и АТР. Пекин надеялся, что АТЭС поможет умерить склонность США к односторонним действиям, а также будет способствовать привлечению в Китай иностранных инвестиций.

Соответственно, главным приоритетом политики Китая в АТЭС является экономическое и техническое сотрудничество. Это было подчеркнуто еще Цзян Цзэминем: «АТЭС должен оставаться экономическим форумом и сосредоточиться на продвижении регионального экономического сотрудничества»⁴². Китай, используя огромные торгово-финансовые ресурсы, стремится к созданию системы торгово-экономических зон и союзов, которая бы опутала пространство АТЭС сетью финансовых и коммерческих связей.

Под предложенную Пекином модель построения отношений в рамках АТЭС попадает и часть малых стран АСЕАН. Китай реализует ряд транспортных проектов, связанных со строительством сети газо- и нефтепроводов, железных дорог (Лаос, Мьянма), а также инвестирует проекты морского порта на Андаманском море и газовые месторождения на шельфе. КНР вносит вклад в работу АТЭС и по таким направлениям, как развитие среднего и малого бизнеса и т. д., борьба с бедностью, передача передовых технологий, развитие человеческих ресурсов⁴³.

В отношениях с малыми «экономиками» АТЭС Китай

---

⁴² Jiang Zemin. Speech by his excellency president of PRC at the APEC informal leadership meeting. Dissemination by the minister of foreign affairs of PRC. Op cit. P. 3.

⁴³ Wanandi J. China and Asia Pacific regionalism. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 43.

использует разные методы. В одних случаях он действует достаточно жестко и наступательно, как плугом «вспахивая» аграрную периферию Восточно-Азиатского региона. В других он подобно хирургу использует тонкий «экономический скальпель», делая небольшие «надрезы», через которые получает столь необходимую ему живительную «технологическую кровь» индустриальных доноров⁴⁴.

По мнению китайских аналитиков, АТЭС дает Китаю благоприятную возможность изменить существующий экономический порядок, тем более что в АТЭС, по сравнению, к примеру, с ООН более заметны позиции развивающихся государств, с которыми Китай может объединиться для отстаивания общих интересов.

Так, при принятии Богорской декларации Пекин смог отстоять принцип опережающего открытия рынков развитых государств для товаров из развивающихся стран⁴⁵. В этом смысле участие Китая в экономике региона представляется более предпочтительным, нежели участие нерегиональных держав.

В то же время, участие КНР в АТЭС можно рассматривать и как некий внутренний вызов для самого Китая. Снижение в КНР годовых темпов прироста ВВП в 2012 г.⁴⁶ было обусловлено, в том числе, и переориентацией экономической стратегии КНР с внешних источников на внутренний рынок. Углубление внешней интеграции посредством АТЭС автоматически усиливает либерально-экономические настроения в стране, и одновременно обостряет геополитические и торгово-экономические противоречия Китая с США, Японией и их союзниками – партнерами по проекту.

---

⁴⁴ Лузянин С. Карлики и гиганты в АТЭС. Информационный портал МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document220096.phtml> (Дата обращения 3.09.2012)

⁴⁵ Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты... С. 189.

⁴⁶ Лузянин С. Китайский фактор в АТЭС: ограничитель или стимулятор? URL: http://rus.ruvr.ru/2012_04_26/73058045/(Дата обращения 3.09.2012)

Желание Пекина закрепить за собой статус неформального лидера развивающихся стран АТЭС обусловлено, по меньшей мере, двумя особенностями. Первая из них связана с традиционными внешнеполитическими взглядами Китая (теориями «нового международного порядка», «антигегемонизма» и т. д.) согласно которым правила игры в мировой экономике по-прежнему диктуют развитые страны, которым и достается львиная доля выгод от глобализации. Соответственно Китай обладает лидерским потенциалом для сплочения вокруг себя азиатских «экономик» АТЭС и равноценного распределения выгод между странами региона.

Вторая особенность заключается в том, что пик «внеэкономической» активности АТЭС совпал по времени с реинкарнацией в рамках АТЭС теории «Азия для азиатов». Эта концепция, известная также как концепция экс-премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, была озвучена премьер-министром Малайзии А. Бадави на встрече в формате АПТ в Куала-Лумпуре в 2004 г.

Китай увидел в этой концепции хорошую возможность, используя АТЭС, перенастроить «под себя» вектор развития процессов регионализации в Восточной Азии в условиях снижения влияния США в регионе⁴⁷. В силу отсутствия конкретных соглашений идея «Азия для азиатов» пока так и осталась нереализованной. Данные процессы, тем не менее, свидетельствуют о лидерском потенциале, продемонстрированном КНР среди сторонников этой концепции.

Заметим, что поскольку рост мощи Китая вызывает опасения у соседей по региону, китайская внешняя политика использует АТЭС и для того, чтобы успокоить их, показав готовность Китая выступить в

---

⁴⁷ Mohan Malik. China and the East Asian Summit: More Discord Than Accord. Honolulu, HI, Asia-Pacific Center for Security Studies, 2006. P. 4.

качестве ответственной и миролюбивой сверхдержавы в АТР. Так, в 2001 г. на саммите АТЭС в Шанхае, в период активизации Китаем антитеррористической деятельности внутри страны, была включена проблематика безопасности.

При активном участии китайской стороны лидеры форума подписали совместное Заявление по противодействию терроризму. Однако на практике «нереалистично пытаться навязать унификацию в условиях такого разнообразия региона», как отмечал Цзян Цзэминь. «Региональное экономическое сотрудничество должно в полной мере учитывать различия в уровнях развития стран региона, и «особые обстоятельства» членов АТЭС»⁴⁸.

Необходимо упомянуть и о другой примечательной особенности, касающейся участия КНР в АТЭС. Членами данного форума являются как КНР, так и Тайвань, и во избежание процессуальных и юридических осложнений в официальных документах организации используется термин «экономика» вместо термина «государство», поэтому политическое влияние КНР в АТЭС в некоторой степени завуалировано.

Еще в 1991 г. удалось договориться об условиях участия в форуме каждого из «Китаев». Эти условия были изложены в меморандумах о понимании, которые Южная Корея подписала с Пекином и Тайбэем в конце сентября 1991 г. Но фактически КНР выступает категорически против участия во встречах лидеров АТЭС тайваньских президентов. Поэтому на саммиты АТЭС президенты Тайваня вынуждены делегировать своих представителей, причем их кандидатуры тоже могут быть заблокированы Пекином.

Так, в 2007 г. Австралия, по требованию КНР, не допустила к участию в саммите АТЭС в Сиднее бывшего вице-преьера Тайваня

---

⁴⁸ Jiang Zemin. Speech by his excellency president of PRC at the APEC informal leadership meeting. Dissemination by the minister of foreign affairs of PRC. Op cit. P. 8

Цай Ин Веня, которая, по мнению Пекина, запятнала себя участием в разработке «теории двух государств» (эта теория отрицает, что Тайвань является частью Китая⁴⁹).

Тем не менее, одновременное участие КНР и Тайваня в АТЭС, безусловно, имеет позитивное значение для отношений между сторонами. Благодаря пребыванию в АТЭС интенсифицировались их взаимные контакты и диалог.

Нередки случаи, когда стороны активно сотрудничают по вопросам, представляющим общий интерес. Например, во время встречи АТЭС в Малайзии в 1998 г. Китай и Тайвань начали совместно формулировать подходы к решению проблем, возникших в ходе обсуждавшейся тогда инициативы о добровольной отраслевой либерализации, чтобы отстоять общие интересы в сельском хозяйстве. Представители делегаций Китая, Тайваня и Японии даже собирались неформально каждое утро, чтобы координировать свои действия на официальных заседаниях АТЭС⁵⁰.

Несколько иная ситуация в отношениях в АТЭС Китая и США. Озвученное в 2011 г. решение кабинета Барака Обамы переориентировать свою политику безопасности в сторону Азиатско-тихоокеанского региона понятно: уходя из Афганистана и сокращая свое военное присутствие на Ближнем Востоке, администрация Б. Обамы обязана продемонстрировать дипломатические успехи в другом ключевом регионе мира и заодно успокоить своих азиатских союзников.

Для самих американцев это должно выразиться в сохранении существующих альянсов и укреплении партнерских отношений с другими странами региона. Для Китая же этот шаг означает

---

⁴⁹ Yang P.M. Taiwan's Approaches to APEC: Economic Cooperation, Political Significance and International Participation. Department of Political Science. National Taiwan University. July 1998. P. 10.

⁵⁰ Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты... С. 192.

возникновение новых экономических, геополитических и военных рисков в традиционной зоне влияния. Активное вмешательство США в территориальные споры КНР со странами региона в Южно-Китайском море – наглядное тому подтверждение.

Можно сказать, что Китай занимает выжидательную позицию в АТЭС в отношении американских амбиций, и в то же время стремится достигнуть согласия с другими восточно-азиатскими государствами. Подобная прагматичность объясняется преимуществом внешнеполитической стратегии, отстаиваемой Китаем в АТЭС. Это направлено на поддержание имиджа Китая в АТЭС как крупной державы и укрепление доверия к нему со стороны других участников.

США хотят реализовать на пространстве АТЭС свой, американский проект общего рынка (по типу НАФТА, где принимают участие США, Канада и Мексика). Это, в первую очередь, касается проекта «Транс-тихоокеанского партнерства» – соглашения девяти развитых экономик АТЭС по свободной торговле, идея которого обсуждалась на саммите АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 г.

Помимо этого, в Гонолулу были определены такие приоритеты Форума, как укрепление региональной интеграции через создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и устранение новых нетарифных барьеров, поддержка «зеленого роста» при торговле экологическими товарами, устранение субсидий, связанных с использованием ископаемого топлива и др.⁵¹

Решения «американского» саммита АТЭС 2011 г. явно не совпали с приоритетами китайской стратегии. Экологический блок имел очевидную антикитайскую направленность, позволяя США и их союзникам развернуть критику экологической политики КНР в

---

⁵¹ Лузянин С. Китайский фактор в АТЭС: ограничитель или стимулятор? URL: http://rus.ruvr.ru/2012_04_26/73058045/(Дата обращения 3.09.2012)

рамках проекта. Иными словами, можно говорить о попытке использования Вашингтоном данного вопроса в политических целях, для получения американцами дополнительных (экологических) рычагов давления на Пекин.

Необходимо упомянуть также, что в продвигаемой Вашингтоном идее создания «Транс-тихоокеанского партнерства» не были упомянуты ни Россия, ни Китай⁵². Кроме того, блокирование США российской инициативы по созданию в АТЭС фонда трансфера технологий⁵³ было направлено не только против Москвы, но и против Пекина. Таким образом, очевидно, что в рамках АТЭС Китай имеет больше «моральных прав» для кооперации с Россией, нежели с США.

Вместе с тем, как и в случае с Тайванем, можно констатировать, что АТЭС представляет ценность в деле поддержания китайско-американского диалога, поскольку является пока единственным международным форумом, где лидеры этих двух держав могут регулярно встречаться и обмениваться мнениями. Это особенно важно во время периодически возникающих кризисов в отношениях между ними. Диалоговый механизм через АТЭС может либо активизировать сотрудничество в периоды подъема в двусторонних отношениях, либо смягчать противоречия, когда китайско-американские отношения находятся в фазе спада.

* * *

Завершая параграф, можно подытожить, что системная работа позволила Пекину повлиять на модель деятельности АТЭС с учетом собственных интересов. Форум важен для Китая как механизм создания атмосферы доверия и взаимопонимания с азиатскими

---

⁵² Тимофеев А. Саммит АТЭС-2012: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество или Транс-Тихоокеанское партнерство? URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhuotechestvu/arkhiv-materialov/2012/mart-2012/item/158>(Дата обращения 5.04.2013).

⁵³ Денисов И. Конкуренция России и США в АТЭС. URL: http://rus.ruvr.ru/2012_03_01/67245327/ (Дата обращения 3.09.2012)

соседями. АТЭС является еще и существенным каналом для налаживания конструктивных отношений Китая с другими региональными державами, такими как США, Япония, Россия.

Не стоит забывать, однако, что АТЭС - это структура, включающая несколько субрегиональных группировок, в том числе АСЕАН. Здесь явно просматриваются группы стран с диаметрально противоположными интересами - в частности сам форум был создан Японией и Австралией при поддержке США и изначально призван выражать, прежде всего, их интересы. И азиатские, и так называемые англоязычные страны упорно отстаивают свое видение будущего Азиатско-Тихоокеанского региона. Таким образом, широкий состав членства в АТЭС (с существенным присутствием западных и латиноамериканских стран) значительно снижает шансы Китая на лидерство в этой группировке.

2.2. Участие КНР в многосторонних структурах при АСЕАН

Низкая эффективность принципов экономической безопасности АТЭС на фоне финансового кризиса 1997 – 1998 гг. подорвала заинтересованность в этом проекте со стороны стран АТР. На этом фоне вперед выступила модель региональной кооперации АСЕАН (Приложение 3). Ее официальные задачи: ускорение экономического роста, социального прогресса и культурного развития сообщества стран Юго-Восточной Азии, а также установление мира и стабильности в регионе при соблюдении принципов Устава ООН⁵⁴.

Преимущества АСЕАН заключаются в неформальном характере интеграционного сотрудничества и более высокой динамике внешнеторговой деятельности. АСЕАН также предлагает решение ряда региональных споров, посредством использования внешних

---

⁵⁴ Официальный сайт АСЕАН: URL: www.aseansec.org/16580.htm (Дата обращения: 12.03.2010)

международных механизмов и на двустороннем уровне.

Эти факторы интеграционного сотрудничества являются важными критериями для китайского руководства, поскольку дают возможность оказывать воздействие на ряд экономических и политических факторов в географической зоне ответственности, включающей Северо-восточную и Юго-восточную Азию. Страны-участники АСЕАН также заинтересованы в Китае как во влиятельном геополитическом партнере с мощным экономическим потенциалом.

Стоит оговориться, что Китай не является участником АСЕАН, а входит в существующие при организации механизмы и форумы многостороннего сотрудничества в области экономики, безопасности, поддержания многостороннего диалога и мониторинга военно-политической ситуации в регионе. Например, с 1997 года КНР является участником «АСЕАН + 3» (АПТ).

В формате АПТ Китай с начала 2000-х гг. демонстрирует инициативу в продвижении закрытого восточноазиатского регионализма и «азиатских ценностей». Динамика экономического развития КНР и интеграция с АСЕАН в рамках АПТ существенно усиливают позиции КНР в регионе, а совокупный ВВП АПТ превосходит ВВП США или ЕС.

Знаковым шагом на этом направлении было предложение в 2000 г. премьер-министра Китая Чжу Жунцзы создать зону свободной торговли (ЗСТ) между КНР и странами АСЕАН. Фактически это пример того, как государство с более крупным рынком пошло на ряд односторонних уступок более слабой стороне (АСЕАН).

Инициативу о создании зоны Китай – АСЕАН можно считать и эффективным дипломатическим ходом Пекина. Во-первых, Пекину удалось ослабить опасения стран ЮВА в связи с тем, что они могут пострадать в конкурентной борьбе с Китаем, дав им гарантии доступа на китайский рынок и позволив, таким образом, в максимальной

степени извлекать выгоды из бурного роста Китая. Во-вторых, были потеснены претензии Японии на ведущую роль в Восточной Азии⁵⁵.

Соглашение об общей торговой зоне с АСЕАН позволило Китаю заключать дополнительные соглашения с индивидуальными членами АСЕАН. На саммите АСЕАН – КНР стороны заключили соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве, которое, кроме других аспектов, предусматривало немедленное принятие мер торговой либерализации в некоторых секторах экономики, получивших название «программа раннего урожая»⁵⁶.

В 2002 г. на саммите АПТ китайский премьер Чжу Жунцзы предложил рассмотреть возможность создания трехсторонней зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Южной Кореи. Она задумывалась в качестве шага, предваряющего формирование восточно-азиатской зоны.

Тем не менее, Япония отвергла это предложение. Официальная позиция Токио заключалась в том, что ее создание преждевременно и сначала надо выяснить в какой мере Китай выполняет свои обязательства в рамках ВТО.⁵⁷ Между тем, причинами отказа Японии могли стать опасения, что зона свободной торговли с Китаем может оказать негативный эффект на ряд менее конкурентоспособных отраслей ее экономики. Сыграло свою роль и восприятие многими японцами Китая как стратегического соперника, с которым невозможно строить доверительные и слишком тесные отношения в торгово-экономической сфере.

Как бы там ни было, с 2004 г. Китай начал продвигать в АСЕАН более чувствительное направление регионализма Восточной Азии в области безопасности, первым из партнеров по диалогу стран АСЕАН

---

⁵⁵ Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты... С. 133.

⁵⁶ Севастьянов С. В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток, 2009. С. 55.

⁵⁷ Pempel, Shujiro Urata. Japan: a new move toward bilateral trade agreements // *Bilateral Trade Agreements in the Asia-Pacific*. Op. cit. P. 90.

подписав базовый Договор о дружбе и сотрудничестве. В 2004 г. Пекин согласовал с АСЕАН двусторонний механизм урегулирования конфликтов, а с 2005 г. – направления сотрудничества в области предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями.

Другие направления политики КНР в АПТ, были упомянуты в 2007 г. на Форуме по вопросам сотрудничества между Китаем и АСЕАН заместителем министра по кадрам КНР Ван Сяочу. Сюда можно отнести региональное взаимодействие по защите экологии морских акваторий и выработке единой экологической политики; согласование действий по обеспечению энергетической безопасности Восточной Азии; расширение взаимодействия в освоении людских ресурсов и подготовке специалистов в рамках Фонда сотрудничества Китай – АСЕАН⁵⁸.

Наряду с АПТ, в рамках АСЕАН Китай входит в *Региональный форум при АСЕАН (АРФ)*.

Пекин рассматривает АРФ как важное средство для оглашения собственного видения проблем безопасности, влияния на взгляды других по поводу места и роли КНР в системе региональной безопасности, а также снятия подозрений о «китайской угрозе». Первоначально Китай опасался, что многосторонний формат организации даст возможность более слабым государствам сообща выступить против его территориальных и других интересов.

На втором заседании форума в 1995 г. Китай согласился на дискуссии со странами АСЕАН в многостороннем формате по территориальным проблемам Южно-Китайского моря⁵⁹. В Китае убедились, что с течением времени форум не превратился в антикитайскую организацию и что США не могут оказывать

---

⁵⁸ Из выступления Ван Сяочу, заместителя министра по кадрам КНР на Форуме по вопросам сотрудничества между Китаем и АСЕАН. Нанкин, 2007. URL: http://eng.expert.ru/expert/2007/46/knr_i_asean/ (Дата обращения 11.06.2010)

⁵⁹ Севастьянов С. В. Межправительственные организации Восточной Азии... С. 188.

серьезное влияние на его курс настолько, чтобы поставить под удар стратегические интересы Китая в регионе.

На конференциях по деятельности АРФ КНР принимает активное участие в рамках расширенных регулярных встреч министров иностранных дел стран АСЕАН по вопросам региональной безопасности. АРФ открыл «новое окно в мир» для представителей МИД КНР, предоставив возможность из первых рук узнать, как мир и регион воспринимает Китай и в чем заключаются ключевые проблемы безопасности АТР, что помогает Пекину формировать более реалистичный внешнеполитический курс.

Вместе с тем на практике подходы Китая к деятельности АРФ остаются очень осторожными. Во-первых, Китай выступает за сохранение в рамках АРФ лидерства стран АСЕАН, в отсутствие которых он вряд ли присоединился к какому-либо форуму многосторонней безопасности в АТР.

Во-вторых, Пекин стремится использовать возможности этой организации в качестве форума для выработки мер доверия, а не разрешения конфликтов. По этой причине Пекин не входит в число инициаторов дальнейшего развития повестки безопасности АРФ. Что касается превентивной дипломатии, то Китай поддерживает ее только в части межгосударственных конфликтов, опасаясь, что это позволит другим странам вмешаться в Тайваньскую проблему, которая для КНР является вопросом внутренней политики⁶⁰.

В целом можно видеть, что Китай использует АРФ как многосторонний канал сотрудничества, чтобы, играя по принятым в АСЕАН правилам, создать имидж ответственного и конструктивного регионального игрока и убедить соседей в том, что он не представляет угрозы безопасности для них.

---

⁶⁰ Goh E., Acharya A. The ASEAN regional forum and security regionalism. NY: Routledge, 2007. P. 100.

Стремление Пекина к такой формулировке можно видеть в «Принципах взаимного доверия, выгоды, равенства и совещательности», которые были представлены китайской стороной на 9-й сессии АРФ, прошедшей 31 июля-1 августа 2002 г. в Брунее и, впоследствии, вошли в основу так называемого «Пути АСЕАН».

Общая идея, изложенная в этих принципах, заключается в том, что если между странами региона существует достаточное взаимное доверие, то у них уже нет необходимости прибегать к военной силе для защиты от противной стороны, в регионе не может развиваться гонка вооружений, и соответственно уменьшается опасность военного конфликта.

Кроме того, если у этих стран имеются стратегические интересы взаимного доверия, то в случае незначительного конфликта стороны могут урегулировать трения без военной силы, они не станут прибегать к военной угрозе, так как это может разрушить уже имеющееся стратегическое сотрудничество⁶¹.

– Принцип взаимодоверия заключается в осознании преодоления странами мышления «холодной войны», политики силового воздействия и в отказе от взаимной подозрительности и враждебности;

– Принцип взаимовыгоды отвечает глобальным целям развития социальных сфер и заключается в уважении интересов каждой из сторон;

– Принцип равенства предполагает равное обращение и взаимодействие стран организации, независимо от силы и размеров территории;

– Принцип совещательности лежит в основе мирных переговоров, как способе разрешения конфликтов и проблем

---

⁶¹ Чан Янь. Проблемы региональной безопасности в СВА: опыт и перспективы китайского и российского участия и взаимодействия: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2008.

безопасности, исключает скрытые угрозы и предотвращает возникновение войн и взаимных конфликтов;

– Принцип уважения разнообразия цивилизаций предполагает сочетание нескольких цивилизационных моделей, сотрудничества многонациональных стран, сочетающих в себе несколько религиозных слоев и содержащих уникальные гуманитарные ресурсы.

Эти базовые и, в общем, понятные постулаты отмечены нами сознательно, поскольку они часто используются Китаем и в других крупных организациях Азии – например в ШОС, о которой разговор пойдет в следующей главе.

Впрочем, вернемся к АСЕАН. В качестве еще одной ее «суборганизации», в которой проявляется роль Китая, можно выделить *Восточно-азиатский саммит (ВАС)*.

ВАС конкурирует с АПТ в области видения региона и предлагает открытый регионализм и универсальные демократические ценности. Изначально он включал 10 членов АСЕАН, три партнера по диалогу «АСЕАН + 3», а также Индию, Австралию и Новую Зеландию. Основной целью ВАС является формирование сообщества, в котором три государства СВА разделяют лидерскую роль со странами АСЕАН на базе формирующейся общей идентичности⁶².

Для Пекина ВАС является каналом для сообщения его и других стран Восточной Азии с прочими регионами мира, причем Китай предполагал наделение ВАС церемониально-представительскими функциями⁶³. Еще на первом саммите организации Китай проявил стремление ограничить возможности влияния «новых» членов сообщества на принятие решений. Право голоса, по мысли Пекина, должно было остаться только у членов диалога «АСЕАН + 3»⁶⁴.

---

⁶² Malik M. China and the East Asian Summit: More Discord Than Accord // Honolulu, HI, Asia-Pacific Center for Security Studies. 2006. February. P. 4.

⁶³ Стрельцов Д. В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 61.

⁶⁴ Смирнов С.М. АТР и западная модель коллективной безопасности. Владивосток, 2009. С. 38.

Это в определенной степени и стало тормозом в процессе дальнейшего развития ВАС, что лишний раз доказывает стремление КНР в международных институтах АТР к закрытому регионализму.

Следует упомянуть и об участии представителей КНР в *Азиатско-европейском форуме (АЗЕМ, или АСЕМ)*. Этот институт фактически является продуктом «надгосударственных» европейских структур, создавших инструмент влияния на формирование аналогичных структур в Восточной Азии. По сути, АЗЕМ представляет попытку строительства принципиально новых партнерских отношений между основными участниками АСЕАН и членами ЕС⁶⁵.

Изначально он рассчитывался как встреча на высшем уровне между странами Азии и членами ЕС для строительства неформальных партнерских отношений. В повестке дня АЗЕМ - вопросы укрепления сотрудничества между регионами в условиях мирового кризиса, проблемы изменения климата, культурный диалог.

Первый саммит в формате АЗЕМ состоялся в Бангкоке в марте 1996 г. В нем приняли участие: от Европы – 15 стран – участниц ЕС и Европейская комиссия (на правах самостоятельного участника), от Азии – семь членов АСЕАН, Китай, Республика Корея и Япония.

В 2006 г. в АЗЕМ были приняты Болгария и Румыния (от Европы), Индия, Монголия, Пакистан и Секретариат АСЕАН (от Азии). Одно из наиболее значимых расширений произошло в 2010 году: к АЗЕМ присоединились Россия, Австралия и Новая Зеландия (причем Россия вступила от Азии, что стало отражением усиливающегося азиатского вектора в ее внешней политике).

Что касается китайского руководства, то для него АЗЕМ в сложившемся формате представляет собой удобный форум для

---

⁶⁵ASEM events calendar. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/asem/index.html/calendar.pdf> (Дата обращения 11.06.2010)

установления личных отношений, решения частных проблем в неформальной обстановке, знакомства с культурой различных народов, выгодно отличающейся от формальной, жестко регламентированной атмосферы официальных визитов.

Упор форума на соразвитие и совместное процветание народов Европы и Азии, как составных частей процесса глобализации, соответствует положениям китайских концепций «научного развития» и «гармонизации мира» в АЗЕМ. Кроме того, используемые КНР в рамках АЗЕМ неформальные подходы и методы работы востребованы китайским руководством и в рамках других региональных структур.

Нельзя не заметить, однако, что выступая в качестве примера регионализма открытого типа, АЗЕМ, как и ВАС рассматривается китайскими представителями, в основном, в качестве консультативного механизма.

* * *

Пример АСЕАН показал, как модель региональной интеграции способна сплотить вместе группу государств, имеющих различные культурные ценности, исторические пути и государственные устройства. Но еще более явно на примере АСЕАН+3 и АРФ можно видеть стремление КНР в международных институтах АТР к закрытому регионализму. Эта тенденция проявляется и в других структурах при АСЕАН (ВАС, АЗЕМ). Проблемы развития ВАС лишь подчеркивают, что Китай отдает предпочтение региональным инициативам с более узким азиатским составом.

Нетрудно заметить, что в АПТ, АРФ и т. п., Китай стремится к признанию собственного видения проблем безопасности региона остальными участниками, формированию понимания общей идентичности и активно отстаивает принципы защиты своих

интересов на внешних рынках. О желании сделать эти взгляды общими свидетельствуют «принципы взаимного доверия, выгоды, равенства и совещательности», а также намерение стран АСЕАН создать в 2015-2020 гг. триединое сообщество (экономическое, культурное и сообщество безопасности)⁶⁶.

Можно видеть и то, что Китай в определенной степени заинтересован в исполнении структурами при АСЕАН представительских функций, а на практике ориентируется на двусторонние контакты и неформальные связи. Впрочем, это - характерная черта китайской стратегии, которая проявляется и в других региональных организациях.

2.3. Китай на региональных форумах по безопасности и в механизмах переговорных процессов АТР

Участие китайских представителей в различных субрегиональных форумах по безопасности являет собой одно из практических проявлений его институциональной стратегии в АТР. До начала 2000-х гг. Пекин неоднократно принимал участие в подобных форумах. Это, например, участие Пекина на 1-м международном форуме по вопросам обороны и безопасности в Северо-Восточной Азии, проходившем с 3 по 6 ноября 1993 г. в Сеуле⁶⁷.

На переговорах в Сеуле Китай выступил за активизацию многостороннего сотрудничества по безопасности совместно с Японией, Россией, США, Южной Кореей и КНДР. Сотрудник китайского Института международных стратегических исследований

---

⁶⁶ Шипилов С. Богорские цели и политико-интеграционные процессы в АТР // Тихоокеанское обозрение 2006–2007 / под ред. В.М. Мазырина, О.В. Новаковой, П.Ю. Цветова. М., 2007. С. 25.

⁶⁷ Самойленко П.Ю. Российско-американские отношения и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков (90-е годы XX – начало XXI века): дис... канд. полит. наук. Владивосток, 2004. С. 45.

Чжан Утан, выражая позицию китайской стороны на данном форуме, отметил, что в Северо-Восточной Азии, в отличие от других регионов удается поддерживать относительную стабильность путем усиления экономической взаимозависимости и роста новых центров силы⁶⁸.

Еще одним примером может служить участие КНР в форуме представителей оборонных ведомств 20 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, который проходил с 10 по 11 октября 2002 г. в Японии. На повестке дня стояли вопросы налаживания сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, усиление взаимодействия пограничных служб по предотвращению контрабанды наркотиков, оружия и т. д.

Однако наиболее активное участие КНР в процессах региональной безопасности АТР можно наблюдать в рамках механизма шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Не секрет, что ситуация на Корейском полуострове затрагивает интересы Китая, и вызывает озабоченность политического и военного руководства страны. Китай является крупнейшим экономическим партнером КНДР и активно противодействует введению санкций против этого государства. Проблема объединения Севера и Юга Кореи присутствует во многих китайских обзорах международной ситуации в СВА, например, в пекинском журнале «Исследование международных проблем», где она ранее упоминалась, как одна из главных проблем нестабильности⁶⁹.

Стоит заметить, что денуклеаризация Корейского полуострова и мирное сосуществование двух корейских государств укрепляют не

---

⁶⁸ Петровский В.Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М., 1998. С. 90.

⁶⁹ Исследование Восточной Европы и Центральной Азии // Исследование международных проблем. Пекин, 1994. № 4. С. 28.

только стабильность в регионе, но и региональную безопасность самого Китая. В КНР считают, что достижение этих целей невозможно без привлечения региональных держав. Это фактически повторяет мнение, распространенное в Вашингтоне – урегулирование ядерной проблемы в КНДР должно быть предметом заинтересованности сопредельных государств.

В данном региональном процессе Китай избрал для себя модель «особой роли» спонсора процесса, и для достижения практических результатов разработал особую тактику. В рамках форума Китай предпринял попытку организовать трехсторонние переговоры по урегулированию обострившегося «ядерного» кризиса на Корейском полуострове, однако встретил сопротивление США. Чтобы не допустить неконтролируемого развития кризисной спирали, Пекин также предложил привлечь Японию, Россию и Южную Корею к переговорному процессу⁷⁰.

Первый раунд переговоров в 6-стороннем формате проходил в Пекине в августе 2003 г. Все последующие раунды также проходили в столице КНР. Национальные делегации, как правило, возглавлялись специальными посланниками на уровне заместителей министров иностранных дел.

Началу процесса форума предшествовала безуспешная попытка Китая организовать трехсторонние переговоры по урегулированию обострившегося «ядерного» кризиса на Корейском полуострове. США категорически отказывались вести прямые переговоры с КНДР, присутствие же КНР в качестве посредника также не устраивало администрацию Дж. Буша-младшего.

В этих условиях Пекин, для недопущения неконтролируемого развития кризисной спирали, предложил привлечь Японию, Россию и

---

⁷⁰ John S. Park. Inside Multilateralism: The Six-Party Talks // The Washington Quarterly. 2005. Autumn. P. 75-91.

Южную Корею к переговорному процессу. Это было сделано, чтобы избежать отхода США от дипломатических путей выхода из кризиса, и отразило распространенное в Вашингтоне мнение, что урегулирование ядерной проблемы в КНДР должно быть предметом заинтересованности сопредельных государств.

Вместо традиционного выяснения позиций каждой стороны за столом переговоров Пекин использовал трехступенчатую программу продвижения диалога. Вначале китайские официальные лица в серии двусторонних встреч со своими коллегами из других стран – партнерами по форуму – выясняли их приоритеты и политические цели.

На втором этапе старшие сотрудники МИД и международного отдела ЦК КПК на основе этих опросов вырабатывали проект приемлемого для всех продвижения вперед, который выносился в повестку дня очередного раунда форума, завершавшегося подписанием формального соглашения. На третьем этапе подключались многосторонние процессы и ресурсы, обеспечивающие выполнение данного соглашения.

Основная цель переговоров (мирное урегулирование) пока далека от достижения. Тем не менее, об эффективности подобного механизма можно судить хотя бы по тому, что ряд политических деятелей предлагали использовать его в качестве базиса для региональной организации, которая комплексно занималась бы проблемами безопасности в Северо-Восточной Азии⁷¹.

Если отойти от Азиатско-тихоокеанского направления, то из других подобных механизмов, в которых принимает участие Китай, можно выделить многосторонние переговоры по иранской ядерной проблеме. В состав группы, целью которой является преодоление тупика в переговорах по проблеме Ирана, наряду с Китаем входят

---

⁷¹ Kravlev N.. Rice proposes Asia form security alliance // The Washington Times. 2006. October 25.

постоянные члены Совета Безопасности ООН: Великобритания, Франция, Россия и США, а также Германия. И хотя процесс здесь также далек от завершения, его урегулирование по методам, предложенным Китаем, могло бы как минимум, дать толчок к более глубокому пониманию ситуации теми сторонами, которые этого упорно делать не желают.

* * *

Мы не случайно заговорили о последнем процессе. Очевидно, что КНР стремится к расширению поля взаимодействия в области безопасности, не ограничивая его рамками АТР. И, несмотря на отсутствие конечных результатов, механизмы переговоров по ядерному урегулированию можно считать достаточно удачной моделью многостороннего сотрудничества, предложенной Пекином.

Этот формат, по сути, показал, что Китай обладает большим потенциалом для бесконфликтного урегулирования ряда региональных проблем безопасности. Очевидно, что в Пекине обладают определенным умением удержания своих соседей от неразумных шагов – а это уже важный фактор будущей модели региональной безопасности, которая в любом случае будет опираться на многосторонние институты.

2.4. Азиатско-тихоокеанский регион и Китай – что в перспективе?

Можно понять, что одной из главных задач институциональной политики китайского руководства в АТР является поиск возможностей устранения факторов нестабильности для собственного развития: это, прежде всего торговые разногласия, идеологические различия и конфликт на Корейском полуострове. В организациях

АТР Китай отстаивает недопущение создания военных блоков и союзов, участие в приемлемой форме в контроле над вооружениями, создание субрегиональных и региональных консультационных механизмов с упором на дипломатические меры. Однако экономические интересы на региональном уровне в АТР неизменно ставятся Китаем во главу угла, что отражает приверженность Пекина положениям концепций «комплексной государственной мощи», «научного развития» и «гармонизации мира».

Очевидно, что основным вопросом интеграционного сотрудничества в регионе является поиск баланса сил между ключевыми державами АТР – прежде всего, Китаем, США и Россией. При этом одной из перспективных проблем, которые стоят не только перед азиатско-тихоокеанскими организациями, но и перед самим Китаем является проблема регионального лидерства. Нарастание напряженности в регионе усугубляется и фактором смены элиты и сопряженной с этим процессом активизации политической борьбы в КНР.

Иными словами, будущая стратегия Китая в рамках АТЭС и АСЕАН будет определяться как его отношениями с крупными региональными державами, так и внутривнутриполитическим климатом в стране. Однако если неизбежная смена правящих кругов в Китае не обязательно означает радикальные изменения в либерально-экономических настроениях внутри и вне КНР, то в случае с отношениями в треугольнике КНР – Россия - США все несколько сложнее.

Значимого взаимодействия между КНР, США и Россией на пространстве АТР в его строго географических рамках не наблюдается. Более того, здесь существует традиционное геополитическое соперничество между КНР и США, при активизации региональной политики России.

Соперничество крупных игроков региона обусловлено противоречиями в вопросах оценки перспектив регионализации Азии и формирования новой модели интеграционного взаимодействия, опирающейся на разные проекты - «Транс-тихоокеанское партнерство» и зону свободной торговли АСЕАН).

Заявленная в 2011 г. переориентация политики США на Восточную Азию, скорее всего, будет осуществляться с опорой на традиционные военно-политические инструменты, включая двусторонние блоковые связи с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и т.д. Это непосредственно отразится не только на будущем китайско-американских отношений, но и на деятельности АСЕАН и АТЭС.

Даже в условиях поворота к более конструктивной политике в АТР, США продолжают выступать дестабилизирующим фактором для многих интеграционных проектов. Зачастую США пытаются «раскачать» структуру ряда объединений и перенастроить векторы силы на другие, более выгодные для себя проекты.

Например, американцы не отказываются от участия в АТЭС и пытаются постоянно активизировать идею зоны общей торговли на Тихом океане. Эта идея блокирует китайские инициативы по узкорегиональному сотрудничеству в восточной части Тихого океана. Такая стратегия особенно важна для США после того, как в 2010 г. КНР и АСЕАН все-таки создали САФТА – региональный блок свободной торговли.⁷²

Чэнь Сяньян, заместитель директора Китайского института современных международных отношений, который часто выражает позицию Министерства государственной безопасности отмечает: «некоторые страны в своем экономическом развитии зависят от

---

⁷² Территориальные споры в Азиатско-тихоокеанском регионе.
URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/territorialnye-spory-v-aziatsko-tixookeanskom-regione/> (дата обращения 1.04.13)

колоссального рынка Китая и в то же время в обеспечении безопасности опираются на США. Соединенные Штаты используют эту зависимость в области безопасности»⁷³.

Несмотря на это, Пекин скептически оценивает шансы США на реализацию своей новой региональной стратегии применительно к сложившимся интеграционным проектам АТР. Обращает на себя внимание отношение Китая к уже упомянутому проекту «Транс-тихоокеанского партнерства». По мнению заместителя министра КНР, попытка подменить действующие региональные многосторонние режимы», устанавливает очень высокие стандарты, которым вряд ли смогут соответствовать все его члены.

Пекин не просто не выражает готовности быть встроенным в американско-центричную модель восточноазиатской подсистемы международных отношений – он не понимает ее содержания в изменившихся условиях, а также сомневается в наличии у США достаточных ресурсов для реализации такой модели. Иными словами, в Китае уверены, что сугубо экономические инициативы, подобные «Транс-тихоокеанскому партнерству», не способны вернуть Соединенным Штатам лидирующие политические позиции в регионе. С другой стороны, для того, чтобы смягчить американское противодействие, Пекину придется изыскивать способы отвлечения внимания и ресурсов Вашингтона от Восточной Азии. Так или иначе, эти способы связаны с институциональной политикой Китая в АТР.

Нелишне вспомнить о высказывании авторитетного политолога М. Бисона, о том, что исторически сложившиеся в Восточной Азии тесные связи правительства с бизнесом и определенная позиция по вопросам безопасности (движение неприсоединения), которая является характерной чертой большинства стран Юго-Восточной

---

⁷³ Мамонов М. Возвращение США в Азию. URL: <http://nashmir.kz/news/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu> (Дата обращения 01.07.2012)

Азии, вряд ли могут быть согласованы с интересами гораздо более обширной группы государств Тихоокеанского региона⁷⁴. То есть для развития регионализма в АТР наиболее приемлемы региональные инициативы с узким азиатским составом, наподобие АСЕАН + 3 или АРФ.

Одним из вариантов противодействия давлению со стороны подобных проектов, а также отстаивания собственных позиций в данных условиях является работа над повышением значимости и перспективности сотрудничества именно в рамках АТЭС, чему могло бы способствовать выдвижение Россией и Китаем новых региональных инициатив, которые будут выгодны странам-членам АТЭС и привязаны именно к данной структуре. Косвенно о правильности этого направления говорит тот факт, что идея «Транс-тихоокеанского партнерства» почти не получила развития на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Необходимо сказать о роли в указанных процессах отношений Китая с Россией, которая и дальше будет активно участвовать как ведущий игрок в региональных политических и экономических объединениях. Китайские эксперты активно изучают возможные предложения российской стороны с целью разработать собственные инициативы, которые бы обеспечивали как поддержку российских проектов и участие в них КНР, так и продвижение китайских стратегических интересов.

Не секрет, что главной проблемой на пути активизации деятельности России в АТЭС остается низкий уровень российской вовлеченности в международную экономическую жизнь региона. В то же время, Россия уже несколько лет пытается показать свои усилившиеся позиции. Весной 2012 г. российский флот совместно с

---

⁷⁴ Beeson M. American Hegemony and Regionalism: The Rise of East Asia and the End of the Asia-Pacific // *Geopolitics*. 2006. Vol. 11. №. 4. P. 545-546.

китайскими кораблями проводил маневры в Желтом море, а уже летом того же года участвовал совместно с американцами в военно-морских учениях «РИМПАК». На саммите АТЭС 2012 г. во Владивостоке было наглядно продемонстрировано, что наращивание экономического присутствия в Азии и тихоокеанском регионе является для России приоритетом.

Взаимодействие России с Китаем на этом поприще имеет «двойное дно» – оно может перерасти в открытую конкуренцию, но может быть направлено и на нейтрализацию внешних угроз. Этот момент необходимо пояснить.

Растущая транспортная конкуренция Китая - одна из острейших проблем, с которой может столкнуться Россия. Ведь Китай активно развивает альтернативные проекты формирования транспортных коридоров в обход России. Причем в технологическом плане Китай уже далеко впереди. КНР развивает сеть железных дорог, соединяющую республику со странами Юго-Восточной Азии – проект «Большой Меконг», в рамках которого создается 6 веток, связанных с Китаем.

Развивая транспортную кооперацию районов Сибири, Дальнего Востока и Северо-Востока Китая, Россия может частично уменьшить свое отставание от КНР. С учетом перспектив развития Северного морского пути не исключен также запуск совместной российско-китайской транспортировки грузов по этому направлению с использованием имеющихся в России и строящихся в Китае ледоколов. Кроме того, китайцы активно прорабатывают возможность инвестиционного участия в развитии портовой инфраструктуры Дальнего Востока. В контексте общей транспортной проблематики АТЭС развитие российско-китайской региональной кооперации объективно усилит позиции России, выводя ее через Китай в активную транспортно-интеграционную зону проекта.

Еще один вопрос кооперации двух стран в многосторонних институтах АТР, требующий внимания – энергетическая безопасность. Страны АПТ недостаточно обеспечены собственными энергетическими ресурсами, что в перспективе могло бы стать одним из важнейших факторов сотрудничества России с Китаем в рамках многосторонних институтов АТР.

Основная проблема здесь – неуступчивость КНР по вопросам закупочных цен на сибирский газ. Предлагаемые китайские варианты делают российские предложения нерентабельными, особенно с учетом того, что Китай имеет возможность покупать относительно дешевый туркменский газ.

В свою очередь, несколько российских компаний, несмотря на протесты КНР, уже присутствуют на шельфе Южно-Китайского моря, где ведут разведку нефти и газа. Значительный поток российского вооружения поступает во Вьетнам и другие страны АСЕАН. В Москве рассматривают проект формирования зоны свободной торговли с Вьетнамом, а также участвуют в строительстве АЭС.

В то же время, Россия может внести мощный «энергетический пакет» услуг для стран АТР (в том числе для Китая), в основе которого – разнообразные предложения от нефтегазовых, угольных, электрогенерирующих и горнодобывающих российских компаний. Модель взаимодействия АСЕАН – КНР предполагает согласование стратегии и плана действий по обеспечению энергетической безопасности Восточной Азии - а значит, эта модель могла бы быть дополнена и двусторонним механизмом КНР – Россия.

В рамках АПТ также предусмотрено взаимодействие по защите экологии и выработке единой экологической политики. После ряда экологических катастроф на предприятиях КНР, ставших причиной серьезного загрязнения рек, принесших ядовитые материалы на российскую территорию эта тема приобретает особую важность. А

бесконтрольная и, часто преступная (то есть осуществляемая компаниями, связанными с криминальными структурами) вырубка лесов, как на Дальнем Востоке России, так и в странах-членах АТЭС, подсказывает совместные идеи ресурсосбережения, борьбы с преступностью и коррупцией.

Другими словами, охрана окружающей среды в перспективе может стать одним из важных направлений для развития совместной стратегии КНР и России в региональных организациях АТР. К сожалению, Китай пока не демонстрирует, что этот вопрос является для него важным, а если и демонстрирует, то скорее декларативно.

* * *

Завершая главу, необходимо сказать несколько слов о механизмах АТР по безопасности. Они, конечно же, нуждаются в серьезной реструктуризации, или как минимум, в дополнении инструментами быстрого реагирования - в первую очередь, несилового. Будущее в этом вопросе – за расширением функций многосторонних институтов АТР и за налаживанием их взаимодействия с другими региональными структурами по безопасности.

Поскольку Китай выступает одним из наиболее активных участников АТР в области безопасности (это хорошо видно на примере шестисторонних переговоров), будущее во многом зависит от него. И прежде всего, это касается вопроса о том, сможет ли Пекин учитывать мнения, опасения и интересы Вашингтона и Москвы в процессе постепенного приведения региональной архитектуры безопасности в соответствие с изменившимися условиями международной среды.

Глава III.

КНР В МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центрально-азиатский регион интересен для Китая по ряду причин. Во-первых, Центральная Азия - один из источников энергии, расположенных достаточно близко к Китаю. Во-вторых, на центрально-азиатском направлении Пекин стремится к поддержанию стабильности по периметру своих приграничных провинций. Наконец, расширяя связи с центрально-азиатскими республиками, Пекин увеличивает здесь свое политическое влияние.

В сравнении с АТР, в Центральной Азии меньше официально признанных международных организаций, участником которых является Китай. Это, прежде всего, Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) и Программа центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС).

Вряд ли стоит сравнивать особенности стратегии Китая в каждой из этих организаций. Вместе с тем, узкий экономический профиль ЦАРЭС и многозадачность ШОС объединяет желание китайского руководства выступать одним из наиболее активных участников азиатских международных институтов с «закрытым» типом регионализма.

Как и в АТР, в Центральной Азии Пекин вполне устраивает ограниченный по региональному признаку состав участников организаций. Это дает Китаю больше возможностей доминировать на центрально-азиатском поле. В то же время, более заметное, по сравнению с АТР, влияние России в Центральной Азии выступает своеобразным сдерживающим фактором для Китая и побуждает его к поиску различных «альянсов» и договоренностей с отдельными странами.

3.1. КНР и Программа центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества

О «закрытом» регионализме программы ЦАРЭС, созданной для развития экономического роста и повышения уровня жизни в регионе, можно судить хотя бы по составу участников. Помимо Китая, в нее входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан, Узбекистан, Азербайджан, Монголия, и Афганистан – то есть практически все значимые государства Центральной Азии, за исключением Ирана (Приложение 4).

Это, впрочем, не означает, что ЦАРЭС – «закрытый клуб» ряда государств под предводительством Китая. Большой упор в этой организации сделан на развитии формальных и неформальных связей с другими многосторонними институтами, состав участников которых шире. Партнерами программы являются Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный валютный фонд (МВФ), Исламский банк развития (ИБР), Программа развития ООН (ПРООН) и Всемирный банк.

Следует заметить, что приоритетные области взаимодействия в ЦАРЭС определены достаточно строго: это транспорт, содействие торговле, торговая политика и энергетика. Работа в каждой из этих областей осуществляется под руководством комитета, включающего представителей стран-участников и многосторонних институтов. В некоторой степени, деятельность ЦАРЭС направлена на изучение особенностей интеграционных процессов в Центральной Азии и выработку рекомендательных мер по их оптимизации.

Так, с 2009 по 2011 гг. Исследовательская программа Института ЦАРЭС изучала основополагающие вопросы в пяти областях, важных для поддержания и углубления регионального экономического сотрудничества между странами ЦАРЭС:

- влияние пространства и воздействие на рост регионального сотрудничества стран ЦАРЭС;
- управление сырьевыми доходами в регионе ЦАРЭС;
- вопросы макроэкономической политики в странах ЦАРЭС;
- структурные изменения в регионе ЦАРЭС;
- оценка воздействия проектов АБР в регионе ЦАРЭС.

Интерес КНР к участию в ЦАРЭС основан на способности Пекина финансировать проекты этой организации по развитию стратегии в отношении остальных участников в энергетической, торговой и транспортной сферах. Во взаимодействие с ЦАРЭС в этих сферах вовлечены два автономных региона КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) и Внутренняя Монголия.

В частности, китайским интересам отвечает разработанная на 5-ой Министерской конференции по ЦАРЭС стратегия в энергетическом секторе. В соответствии с ней, задачами энергетического сектора ЦАРЭС являются обеспечение энергетической безопасности путем сбалансированного развития инфраструктуры стран-участников, а также ускорение интеграции энергетических рынков региона путем обеспечения достаточных объемов коммерческих поставок энергии⁷⁵.

К слову, направление Центральная Азия – Китай выступает одним из ключевых направлений (или энергетических коридоров), указанных в энергетической стратегии ЦАРЭС. Оно занимается вопросами торговли энергоресурсами и инвестициями между Китаем и странами Центральной Азии.

При этом в стратегии ЦАРЭС в энергетическом секторе ясно просматривается интерес Китая к альтернативным маршрутам транзита энергоносителей – через Монголию, Узбекистан и

---

⁷⁵ Официальный сайт ЦАРЭС. URL: <http://www.carecprogram.org/ru/index.php?page=management-of-resource-revenues-in-the-carec-region> (Дата обращения 11.09.2012)

Туркменистан. При участии китайских инвесторов по этим направлениям Программой с 2001 г. было мобилизовано более \$13 миллиардов инвестиций в секторы транспорта, торговли и энергетики⁷⁶.

Китайский капитал принимал активное участие в составлении многих важных документов ЦАРЭС: Комплексного плана развития, региональной стратегии стимулирования развития транспорта и торговли, организации активного форума с участием органов, регулирующих деятельность субъектов в сфере электроэнергетики. В тесной связи с этим Китаем прорабатывались и подходы к совместному использованию водных ресурсов стран ЦАРЭС и распределению выгод с целью обеспечения экологически безопасной эксплуатации и охраны трансграничных водотоков.

Китайские инвестиции на энергетическом пространстве ЦАРЭС направлены, по меньшей мере, в трех направлениях: в энергетику Казахстана и импорт казахской нефти, в финансирование электропередач и гидроэнергетических проектов Таджикистана, а также в разведку и разработку месторождений нефти и газа Узбекистана⁷⁷.

Между тем будущее отношений КНР и ЦАРЭС представляется далеко не беспроblemным. Можно отметить, по меньшей мере, два вопроса, тормозящих развитие в рамках ЦАРЭС стратегии Китая. Первый заключается в том, что при всем многообразии проектов в области финансов и энергетики, в задачах данной Программы ощущается явный недостаток элементов политики безопасности. При этом ориентированность ЦАРЭС на экономику не должна являться тормозящим фактором. Например, на азиатско-тихоокеанском

---

⁷⁶ URL: <http://www.carecinstitute.org/ru/index.php?page=carec-program> (Дата обращения 4.09.2011).

⁷⁷ Стратегия ЦАРЭС в энергетическом секторе URL: <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/CAREC-Regional-Cooperation-Strategy-in-Energy-ru.pdf> (Дата обращения 12.09.2012)

направлении Китай «продвигает» вопросы безопасности в АТЭС, АПТ и АРФ, несмотря на их явно «экономическое» предназначение.

Второй вопрос заключается в нетипичном подходе к взаимоотношениям стран внутри самой Программы. Упор в ЦАРЭС сделан не только непосредственно на сотрудничество между ее участниками, но и на стимулирование координации деятельности многосторонних институтов, обычно не сотрудничающих друг с другом⁷⁸.

Можно говорить о реализации в ЦАРЭС китайских концепций «гармонизации» и «идти вовне», о налаживании тесного взаимодействия китайских влиятельных госкорпораций и бизнес-сообществ с профильными многосторонними институтами ЦАРЭС и реализации с «внешними» участниками совместных проектов в финансовой сфере.

Потенциал ЦАРЭС, безусловно, может и будет использоваться Китаем не только для создания устойчивой финансовой региональной политики, но и для противодействия влиянию на регион извне. Комиссия Конгресса США по экономическим и стратегическим аспектам американо-китайских отношений уже отмечала, что экономическая интеграция Китая со своими соседями ведет к созданию в Азии «экономической зоны, где Китай будет господствовать или пользоваться значительным влиянием», что нанесет удар по американским интересам⁷⁹.

Вместе с тем, очевидно, что чисто экономический формат данного института не слишком удобен для Пекина в решении ряда других проблемных вопросов, актуальных на центрально-азиатском направлении. Это, прежде всего, вопросы безопасности, которые

---

⁷⁸ Линн Й. Ф., Пидуфала О. Опыт региональных организаций экономического сотрудничества: уроки для Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 2. С. 12-18.

⁷⁹ Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2009. С. 192.

особенно актуальны в приграничных регионах Китая, например Синьцзян-Уйгурского автономного региона, границы которого совпадают с границами членов ЦАРЭС.

Нельзя также забывать, что важным фактором региональной безопасности является взаимодействие России и Китая в международных проектах. Россия не принимает участие в ЦАРЭС, хотя и упоминается в ее стратегии в качестве одного из звеньев экспортной цепи энергоресурсов из стран Центральной Азии, поскольку инвестирует средства в проекты по разработке и производству в странах Центральной Азии, в модернизацию, расширение и эксплуатацию систем трубопроводов, а также в гидроэнергетические проекты.

* * *

Можно кратко подытожить, что ЦАРЭС является для КНР одним из каналов для взаимодействия по интересующим Пекин экономическим вопросам, проблемам развития бизнеса и отдельных проектов с рядом стран и институтов Центральной Азии. Однако говорить о том, что эта организация имеет для КНР стратегическую важность на центрально-азиатском пространстве, пока преждевременно. Фактически, это место уже занято другой многосторонней организацией, профиль и сфера деятельности которой значительно шире.

3.2. Китай и ШОС – новая модель региональной интеграции?

Не удивительно, что Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) многие считают прообразом модели евразийской региональной интеграции. В ее состав входят наиболее крупные

государства континента – Россия, Китай, Казахстан, другие участники ЦАРЭС (Киргизия, Узбекистан и Таджикистан). В число стран-наблюдателей входят Монголия, Афганистан, Пакистан, Индия и Иран. Беларусь, Шри-Ланка и Турция обладают статусом «партнера по диалогу», дополняя картину и без того глобального пространства этого института (Приложение 5).

Привлекательность ШОС заключается в том, что она объединила государства с огромным совокупным потенциалом на основе нового типа международных отношений, построенного на принципах паритета, консенсуса и многообразия культур. КНР является одним из учредителей и основных участников ШОС. Механизм этой организации позволяет Китаю применять многочисленные компоненты своей внешнеполитической стратегии практически на всем пространстве БВА. Можно даже привести слова китайского исследователя Янь Шеньи: «организация такого уровня, как ШОС, в полной мере соответствует взглядам и убеждениям китайского руководства по проведению независимой внешней политики и реализации «пяти принципов мирного сосуществования»⁸⁰. Но - обо всем по порядку.

Как все начиналось

Предшественником ШОС является консультативный пятисторонний механизм (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) по проблемам пограничного урегулирования, комплексной безопасности и экономики, образованный в 1996 г. и известный как «Шанхайская пятерка»⁸¹.

---

⁸⁰ Янь Шеньи. Чжунго сяндай вайцзяо чжэнчжи (Современная внешняя политика Китая). Шанхай, 2004. С. 316.

⁸¹ Трофимов Д. Шанхайский процесс - «от пятерки» к «организации сотрудничества» // Ежегодник центра социологических исследований «Центральная Азия и Кавказ». 2001. С. 76.

Важное значение в создании «Шанхайской пятерки» сыграло развитие в 80 – 90-е гг. XX века советско/российско-китайских и китайско-центральноазиатских переговоров по погранично-территориальной тематике и проблемам безопасности. Во многом благодаря решению многих пограничных вопросов встречи между главами государств «Шанхайской пятерки» были поставлены на регулярную основу.

15 июня 2001 г. страны «Шанхайской пятерки» провели совещание в Шанхае с участием Узбекистана, о его вступлении в организацию на принципах равноправия, а сама организация изменила свое название на ШОС.

Функции, которыми наделена ШОС, позволяют реализовать взаимодействие по достаточно широкому кругу проблем: поддержание мира и укрепление доверия в регионе; выработка и реализация мероприятий по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия; поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах, содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций и т. д.⁸²

Основой деятельности ШОС являются принципы открытости и ненаправленности в отношении третьих стран, подчеркнутые в Декларации ШОС, материалах саммитов других документах. Решения в органах ШОС принимаются путём согласования без проведения голосования и считаются принятыми, если ни одно из государств – членов в процессе согласования не возразило против них (консенсус)⁸³.

Подходы, используемые в Шанхайской организации сотрудничества (принципы «взаимодоверия, взаимовыгоды,

---

⁸² Ст. 3 Хартии Шанхайской организации сотрудничества (С.Петербург, 7 июня 2002 г.). URL: <http://www.sectSCO.org/RU/show.asp?id=86> (Дата обращения 4.10.2009)

⁸³ Ст. 16 Хартии... URL: <http://www.sectSCO.org/RU/show.asp?id=86> (Дата обращения 4.10.2009)

равенства, координации, уважения разнообразия цивилизаций, несоюзничества, ненаправленности, открытости в отношении третьих стран и стремления к совместному развитию) во многом схожи с принципами так называемого «Пути АСЕАН», реализуемого в многосторонних институтах АТР (АПТ, АРФ и др.) Поэтому ШОС в каком-то смысле можно назвать как внешней организацией для АТР, так и неотъемлемой частью региона. Географическая же зона ответственности довольно обширна – это практически все процессы на пространстве Восточной, Центральной и Южной Азии, то есть БВА.

Основной причиной для критики деятельности ШОС является формальный или «документальный» характер сотрудничества в организации. Это, прежде всего, неспособность стран-членов ШОС сформировать общее мнение по многим вопросам региональной безопасности. К примеру, ШОС не смогла предложить адекватного ответа на решение афганского вопроса и фактически отстранилась от участия в разрешении конфликтных процессов в Киргизии в 2010 г. Очевидно, это связано с тем, что у стран – участников есть собственные интересы и для согласования общей позиции требуются значительные уступки.

Что касается Китая, то его интересы в организации во многом обусловлены его мощными претензиями на ключевое место в регионе. Китай выступает в ШОС в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и одного из наиболее влиятельных геополитических игроков АТР и БВА. Китай – одна из двух ядерных держав ШОС, страна с самым многочисленным населением в мире и с самым быстроразвивающимся рынком. Также КНР - самый крупный потребитель энергии на центрально-азиатском рынке.

Упрощенно интересы Китая в ШОС можно разделить по двум основным направлениям. В части, касающейся экономического

развития ШОС, Китай реализует интересы, связанные с диверсификацией энергетических ресурсов на северном направлении и с вхождением КНР на российский и центрально-азиатский торгово-экономический и энергетический рынки.

В части, касающейся региональной безопасности ШОС, лежит интерес Китая к ограничению регионального присутствия США в Центральной Азии, укреплению в регионе своего влияния и не допущению смены существующих правительств в центрально-азиатских республиках более радикально настроенными и менее лояльными КНР.

К этому вопросу относится и влияние ШОС на политические риски и факторы нестабильности непосредственно касающиеся КНР: деятельность исламских организаций экстремистского толка, этнический сепаратизм в Синьцзян-уйгурском автономном районе, террористические угрозы и неконтролируемый наркотрафик на северо-западных границах Китая.

Поскольку, в соответствии с китайской внешнеполитической доктриной, стратегия Китая в ШОС тесно связана с двусторонними отношениями с другими участниками организации, необходимо пояснить их различные аспекты.

Китай и другие участники ШОС

Основу ШОС, бесспорно составляет сотрудничество Китая и России. Для Пекина, руководствующегося в ШОС положениями теории «антигегемонизма», чрезвычайно важно, что взаимоотношения с Россией в наименьшей степени (по сравнению со многими другими его партнерами) подвержены внешнему воздействию, прежде всего со стороны США. В этом плане Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том,

чтобы Россия сохранила и упрочила статус великой державы, что служило бы гарантией принятия ею независимых решений в рамках организации.

Это сотрудничество, тем не менее, нельзя назвать «беспроблемным». С одной стороны, позиции двух стран совпадают по таким ключевым проблемам, как сохранение регулирующей роли ООН, основных функций государственного суверенитета, опора на многополярный принцип построения регионального порядка. Китай и Россия придерживаются основных правил международного права и возражают против вмешательства во внутренние дела других стран»⁸⁴.

Китай является крупнейшим торговым партнером России. Подход КНР к региональной стабильности совпадает с российскими представлениями о модели обеспечения региональной безопасности на основе сотрудничества⁸⁵. Одной из общих позиций КНР и России в ШОС также выступает противодействие политике США, связанное с обеспечением политической стабильности Центральной Азии и недопущением военного присутствия США на центрально-азиатских базах.

Одновременно с этим, как заметил один из американских китаеведов – Э. Натан: «обе страны обладают возможностью подвергать угрозам жизненно важные национальные интересы друг друга»⁸⁶. Двусторонние отношения России и Китая, будучи системообразующими для ШОС, в ряде сфер выглядят довольно спонтанными, хаотичными, не связанными каким-то структурным началом. При этом проблемные аспекты отчасти связаны с борьбой двух держав за лидерские позиции в регионе.

---

⁸⁴ Цун Пэн. Сравнение концепций безопасности великих держав. Пекин, 2004. С. 250.

⁸⁵ Чан Янь. Проблемы региональной безопасности в СВА: опыт и перспективы китайского и российского участия и взаимодействия: дис... канд. полит. наук. Владивосток, 2008. С. 128.

⁸⁶ Nathan A., Ross R. The Great Wall And The Fortress Stratagem - China to Safe Seek // New China Publishing house. 1997. P. 6.

Например, Россия озабочена расширением НАТО и США на Кавказ и в Центральную Азию, а Китай недоволен позицией США по политическому статусу Тайваня и усилением американо-японского военного сотрудничества. При этом ни одна из сторон не стремится к существенной поддержке и помощи другой стороне в этих вопросах, руководствуясь собственными национальными интересами.

Так, если бы Китай мог оказать влияние на расширение НАТО, это не соответствовало бы его интересам и вызвало бы угрозу открытого конфликта с США. То же самое можно сказать и о последствиях вовлечения России в вопросы Тайваня. Можно упомянуть, что Россия имеет с Китаем мало точек соприкосновения во взаимоотношениях с Пакистаном, а Китаю сложно взаимодействовать с Россией в вопросах, касающихся Индии, Украины, Грузии, Ирана и т. д.

Что же касается Центральной Азии, то Китай хоть и может учитывать традиционные российские интересы в этом регионе, но вряд ли будет проявлять пассивность только в силу того, что Россия здесь недостаточно активна⁸⁷.

Стратегическим преимуществом КНР в контроле за центрально-азиатскими рынками выступает то, что Китай не пытается проводить процессы либерализации или демократизации в регионе и не препятствует жесткой внутренней политике стран - членов ШОС, борющихся с оппозицией внутри государства. Китайский подход исключает всякое распространение процессов дестабилизации в регионе и призывает к выработке механизмов контроля за этими процессами⁸⁸.

Это, конечно, не означает, что отношения КНР со странами Центральной Азии лишены проблем. Как и Россия, республики

---

⁸⁷ Лукин А. ШОС: итоги российского председательства. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012> (Дата обращения 8.12.2010).

⁸⁸ Ariel Pablo Sznajder. China's Shanghai Cooperation Organization Strategy. 2006. Spring. Vol. 5. P 15.

опасаются активного вторжения китайского капитала на свои внутренние рынки. Очевиден неравный баланс, который сложился в ШОС между Китаем и странами Центральной Азии. Можно говорить и о влиянии на эти отношения китайской доктрины «отложенного спора», в соответствии с которой территориальные вопросы могут вновь подниматься в дальнейшем.

Определенные нюансы существуют в отношениях Китая с так называемыми «третьими странами» ШОС – наблюдателями. Например, Китай является одним из главных торговых партнеров Монголии, что отражает высокий объем товарооборота между этими странами⁸⁹. КНР считает Монголию одним из государств, наиболее всего отвечающем политике ШОС. С другой стороны, в Монголии фактически нет террористических проблем и угроз экстремизма, и эта страна не может оказать существенного влияния на антитеррористическую деятельность ШОС.

Более сложным и противоречивым следует считать вопрос взаимодействия Китая с такими наблюдателями ШОС, как Индия и Пакистан. В этих странах сильна террористическая активность, тесно соприкасаются сферы южно-азиатских и центрально-азиатских террористических организаций. Тем самым обусловлен интерес этих стран к политике безопасности ШОС. Вместе с тем, существование серьезных различий в контактах КНР с Индией и КНР с Пакистаном, при сохраняющихся разногласиях в индо-пакистанских отношениях оказывает негативное влияние на процесс взаимодействия этих стран в ШОС.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в китайско-индийских отношениях за последние годы, между ними до сих пор остаются неразрешенные противоречия, особенно по вопросам государственных границ. Китай видит в Индии серьезного

---

⁸⁹ China, MPR, Russia to Further Railroad Cooperation // Xinhua news agency. 2008. August 20.

геополитического конкурента в БВА, что сказывается на его позиции по вопросу участия Индии в ШОС. Отношения же между Пакистаном и Китаем носят, прежде всего, стратегический характер для обеих сторон, что может являться основанием для включения Пакистана в ШОС, однако практически неосуществимо в силу сложных геополитических противоречий в треугольнике Китай-Пакистан-Индия.

Рассматривая позицию КНР по вопросу вступления в ШОС Ирана, необходимо упомянуть, что в соответствии с Положением о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества, утвержденным Советом глав государств - членов ШОС 11 июня 2010 г.⁹⁰, вступление Ирана в ШОС было заблокировано в связи с тем, что Тегеран находится под санкциями Совета Безопасности ООН. Другим фактором, препятствующим вхождению Ирана в ШОС, является то, что это государство не имеет общих границ как с ШОС, так и с Китаем.

В целом позиции Китая по отношению к другим участникам и наблюдателям ШОС можно оценивать как взвешенные и продуманные, и в то же время достаточно беспристрастными, за исключением, пожалуй, Индии.

Об экономических аспектах взаимодействия ШОС

Следует заметить, что в экономической сфере ШОС Китай уделяет основное внимание двусторонним проектам с Россией и отдельными республиками Центральной Азии, которые могут развиваться и без участия организации. Не стоит забывать, что в вопросах торговли Китай другие государства - члены ШОС,

---

⁹⁰ Информационное сообщение по итогам десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Ташкент, 10-11 июня 2010 г.). URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=70> (Дата обращения 16.08.11).

находятся в разных «весовых категориях». По этой причине практическая реализация торговой структуры организации развита пока довольно слабо: заключение двусторонних и многосторонних экономических договоров с КНР требует предварительных прогнозов последствий тех или иных шагов.

Саммит Шанхайской организации сотрудничества ШОС в Пекине в 2012 г. продемонстрировал желание Китая укрепить свои экономические позиции в ШОС. Очевидно, что из кризиса 2008 г. Китай вышел экономически более сильным и активным, располагая не только торгово-экономическими, но и финансовыми механизмами. В свою очередь, четко обозначились «три кита» экономической стратегии Китая в ШОС – энергетика, транспорт, финансы.

Энергетические проекты, или, как называют его китайские исследователи «энергетическая дипломатия», являются, чуть ли не основным фактором, сохраняющим для Китая важность экономического сотрудничества со странами – участниками организации. Это неслучайно, достаточно просто взглянуть на статистику: в 2000 г. Китай импортировал 70 млн. тонн нефти, в 2003 г. около 80 млн. тонн, в 2005 г. уже 127,1 млн. тонн, а к 2030 г. по прогнозам, зарубежные поставки нефти в Китай возрастут до 400 млн. тонн нефти и более⁹¹.

При этом в области поставок энергоресурсов Пекин, опять же, отдает предпочтение двусторонним проектам с участниками ШОС.

Так, в 2010 г. российская компания «Транснефть» по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) поставила в Китай примерно 300 тысяч баррелей сырой нефти. Китай согласился выделить России кредит в 6 млрд. долл. на разработку угольных месторождений и совершенствование инфраструктуры в восточной

---

⁹¹ Сыроежкин К. Л. Россия и Казахстан в ШОС: проблемы и перспективы. URL: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1166515560 (Дата обращения 5.12.2010).

Сибири и на Дальнем Востоке⁹². В 2012 году доля КНР в российской внешней торговле составила 10,5%, объем китайских прямых инвестиций в экономику России вырос более чем в 1,5 раза. К 2020 году планируется довести двусторонний товарооборот до \$150 млрд.⁹³

То же самое можно сказать и в отношении стран Центральной Азии. Соответствие их экономического значения жизненным интересам Китая можно связать с перспективами развития программы освоения «большого Северо-Запада» КНР. Эта стратегия была озвучена руководством КНР еще в марте 2000 г. Кроме СУАР и Тибета, в эту программу вошли провинции Ганьсу, Шанси, Внутренняя Монголия – всего около десяти северных и западных провинций КНР, которые сильно отстают в своем социально-экономическом развитии по отношению к другим регионам страны.

В конце XX – начале XXI в. Китайская национальная нефтяная корпорация приобрела месторождения в ряде соседних стран, договорившись о создании совместных нефте- и газодобывающих предприятий, среди прочих, в Индии, Иране, Казахстане и Туркмении. В этот период китайские компании взяли под контроль около 23% нефтяной промышленности Казахстана. А в декабре 2009 г. был запущен в работу трубопровод, по которому из Казахстана, Узбекистана и Туркмении в Китай ежегодно поступают десятки миллиардов кубических метров газа.

Отметим, что Китай продолжает стремиться к реализации двустороннего сотрудничества по энергетике, несмотря на существующий многосторонний проект Энергетического клуба, целью которого должна стать единая энергетическая политика стран ШОС. Этот проект, существующий еще с 2006 г., пока буксует, и

---

⁹² Collins G. China Looms Over Russian Far East // The Diplomat. 2011. June 22. URL: <http://the-diplomat.com/2011/06/22/china-looms-over-russia-far-east/> (Дата обращения 6.09.2011)

⁹³ Ильященко А. Россия-Китай: почти союз. URL: <http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33899> (Дата обращения 29.03.2013).

причин этому много. По сути, страны ШОС не решаются вкладывать средства в этот проект, считая, что большую часть активов в нем займут Китай и Россия. А эти две страны борются между собой за право лидерства в Энергетическом клубе.

Возможно, что реальные китайские торговые интересы на этом направлении минимальны: в 2010 г. Россия поставила всего лишь 6% от потребляемой Китаем нефти и 4% – от потребляемого страной газа⁹⁴. С другой стороны, китайское руководство исходит из того, что в перспективе нефте- и газопроводы должны обеспечить бесперебойные поставки в КНР углеводородного сырья из Центрально-азиатского региона. Китай объективно нуждается в таком механизме и вследствие высокой конкуренции со стороны Запада.

Напомним об организованной Агентством по торговле и развитию США в июне 2006 г. в Стамбуле встрече в рамках Форума «Электричество через границы», на которой были представлены инфраструктурные проекты в области энергетики в Афганистане, Казахстане, Киргизии, Пакистане, Таджикистане и Туркмении. Целью Форума являлась демонстрация новой роли США и Турции в развитии сотрудничества между государствами Центральной и Южной Азии. Представители Китая приглашены не были, а сама встреча состоялась за несколько дней до саммита ШОС в Шанхае.

В КНР обращают внимание и на пассивность России в вопросах экономического сотрудничества в ШОС, на ее стремление развивать связи с государствами Центральной Азии в рамках ЕврАзЭС. Это обусловлено тем, что возрастающая на развивающийся экономический сектор Китая нагрузка несет экономические риски для России, в частности при трансформировании ШОС в зону свободной торговли. Китай, в отличие от России стремится к созданию такой

---

⁹⁴ Лукин А. ШОС: итоги российского председательства. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012> (Дата обращения 8.12.2010).

зоны, в том числе путем односторонней выдачи кредитов другим государствам ШОС.

Так, еще в сентябре 2003 г. на заседании Совета глав правительств организации в Пекине премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао предложил создать к 2020 г. зону свободной торговли в рамках ШОС. Это предложение было принято и нашло отражение в итоговых документах встречи, среди которых – долгосрочная Программа торгово-экономического сотрудничества, рассчитанная до 2020 г.

В 2010 г. председателем КНР Ху Цзиньтао было предложено «создать механизм финансового диалога и согласования денежной политики» стран - членов организации и наладить сотрудничество между центральными и коммерческими банками стран ШОС в разных формах»⁹⁵. При активном участии китайской стороны были созданы Деловой Совет ШОС, Межбанковское объединение ШОС и около 120 экономических программ в 11 сферах сотрудничества⁹⁶.

Китай заинтересован реализацией в ШОС и других финансовых проектов – Банка развития ШОС и Специального счета. Китайцы видят в этих проектах возможность создания реального финансового инструмента в рамках данной организации. Вместе с тем, китайский принцип наполнения этих структур означает, что там будут превалировать китайские средства. Это встречает сопротивление со стороны России, что выражается в блокировании и «заморозке» подобных проектов.

Еще одной проблемой является растущая транспортная конкуренция Китая. КНР активно развивает альтернативные проекты формирования транспортных коридоров в обход России. Первая

---

⁹⁵«Странам ШОС предложили новую валюту». URL: <http://www.dni.ru/economy/2009/6/16/168582.html> (Дата обращения 16.07.2010)

⁹⁶ Старчак М. Шанхайская организация сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20070315130711437> (Дата обращения 3.05.2009).

транспортная версия трансазиатского коридора была заложена Китаем еще в 1992 г., когда он открыл движение по маршруту порт Ляньюньган (провинция Цзянсу) – Роттердам (Нидерланды) общей протяженностью 10800 км. Кроме того, Китай ведет строительство транспортного коридора «Китай – Средняя Азия – Казахстан».

Стоит, однако, заметить, что именно транспортная проблема имеет хорошие шансы на разрешение. С принятием Соглашения ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, для стран-участниц открывается возможность сквозного проезда от Атлантики до Тихого океана, альтернативного китайскому (Санкт-Петербург – Ляньюньган, КНР)⁹⁷. Это, в свою очередь, создаст предпосылки для формирования транспортного коридора Западная Европа – Китай.

Кроме того, идет строительство автомагистрали, которая связывает Россию, Казахстан, Узбекистан с Китаем. Однако скорости движения транспортных потоков в России и в Китае, равно как и темпы строительства пока складываются не в пользу России.

Можно свидетельствовать и о том, что в рамках ШОС Китай, развивая и укрепляя экономические связи с государствами Центральной Азии, испытывает некоторые проблемы с распространением влияния на весь регион, что связано с несовпадающими интересами КНР со странами-участниками по отдельным направлениям такого сотрудничества. И, несмотря на то, что в ШОС китайское руководство ориентировано на создание зоны свободной торговли, социальные и политические опасности к которым может вести поспешное открытие рынков, заставляют остальных участников ШОС сдержанно относиться к этому вопросу.

---

⁹⁷ Главные «скрепы» экономического сотрудничества в рамках ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=10629> (Дата обращения 4.11.2012).

* * *

Противоречивый характер экономического сотрудничества в ШОС может быть обусловлен тем, что в Китае склонны преувеличивать роль торговли в развитии и поддержании региональной стабильности. Наличие огромного и по меркам развитых стран «незрелого» (а значит обладающего колоссальным запасом роста) рынка – один из главных активов Пекина. Экономические аспекты стратегии КНР в ШОС важны для китайского руководства и в силу их использования их для развития приграничных провинций КНР, при сохранении политической стабильности в соседствующих с Китаем регионах.

КНР и вопросы безопасности в рамках ШОС

Действия участников ШОС в области безопасности регламентируются Соглашением о Региональной антитеррористической структуре ШОС (РАТС). В самом общем смысле эта структура предназначена для содействия координации и взаимодействия компетентных органов сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁹⁸.

В рамках РАТС Китай участвует в отслеживании деятельности различных религиозных группировок, антикриминальном сотрудничестве, и обмене информацией антитеррористического характера. Однако наиболее пристальное внимание в КНР уделяют участию в рамках ШОС в совместных антитеррористических учениях с привлечением вооруженных сил. Этих учения проводятся для эффективного взаимодействия стран-участников при совместном отражении ими угроз различного характера.

---

⁹⁸ Зимонин В.П. ШОС: масштабы влияния. URL: <http://www.infoshos.ru/?idn=286> (Дата обращения 4.11.2009).

Интерес китайского руководства к этому направлению неслучаен, поскольку это напрямую затрагивает сферу военного сотрудничества со странами-участниками ШОС, а иных специальных структур, занимающихся военным планированием и управлением вооруженных сил, в составе организации просто нет.

Еще в октябре 2002 г. Китай и Киргизия в рамках ШОС провели двусторонние учения пограничных войск и войск спецназа. Это были первые антитеррористические маневры, проведенные КНР с иностранным государством, поэтому, несмотря на скромный масштаб их можно назвать символическими.

В августе 2003 г. на территории Китая под эгидой ШОС было проведено уже многостороннее антитеррористическое учение «Взаимодействие», а в 2005 г. в Северо-Восточном Китае состоялись российско-китайские военные учения «Мирная миссия – 2005». При этом учение 2005 г. было не просто первым двусторонним учением вооруженных сил России и КНР. На нем впервые была реализована военно-морская составляющая.

В августе 2007 г. на территории Челябинской области прошли полномасштабные шестисторонние учения стран - членов ШОС, получившие название «Мирная миссия – 2007». Продолжением таких контактов в двустороннем формате следует считать российско-китайское оперативно-стратегическое командно-штабное учение «Волгоград-Антитеррор-2008», а также учение «Мирная миссия – 2009», которое прошло на территории Китая в июле 2009 г. и также было посвящено антитеррористической тематике ШОС. В 2010 г. учения «Мирная Миссия» принял Казахстан, а в 2012 г. – Таджикистан.

Стоит обратить внимание, что сегодня многосторонние учения любого масштаба практически всегда носят ссылку о противодействии терроризму. На самом деле все прекрасно понимают

правила игры и смысл таких учений значительно шире.

Военные учения – это действенный способ обозначить в регионе свои интересы и присутствие. А для Китая это еще и прекрасная возможность потрепать нервы США, чьи военные базы и точки присутствия в Центральной Азии расположены в непосредственной близости от западно-китайских границ.

Не поддается сомнению, что Китай, отрабатывая на учениях ШОС вроде «Мирной миссии» антитеррористическое взаимодействие, одновременно решает задачи иного характера – отрабатывает переброску войск на большое расстояние, проверяет боеготовность новых видов вооружения, изучает опыт применения вооружения иностранными военными.

Можно отметить и стремление китайского руководства продемонстрировать максимально разнообразную по привлеченной технике группировку: танки, бронетранспортеры, бомбардировщики, истребители, боевые вертолеты и обслуживающую технику, типы вооружений, ранее никогда не демонстрировавшиеся за пределами КНР. Более того, в тенденции представлять на каждом последующих учениях более современную боевую технику можно видеть желание показать растущее финансовое обеспечение НОАК.

Так, в 2007 г. на учениях «Мирная миссия - 2007» были впервые показаны истребители-бомбардировщики JH-7, а на «Мирной миссии-2010» китайская сторона впервые задействовала истребители четвертого поколения «Чэнду» J-10 и новые основные танки «Тип 99». Основные организационные и финансовые расходы на двусторонних учениях «Мирная миссия – 2005, – 2009» понесла опять же китайская сторона. Неслучайно учения 2005 г. были проведены на базе Цзинаньского военного округа Китая, который имеет репутацию развернутого стратегического тыла и одной из главных мобилизационных баз страны.

Кроме того, проводимые в рамках совместных учений ШОС выставки боевой и специальной техники выступают для Китая источником новых контрактов на поставку военной техники. Не стоит забывать, что, несмотря на некоторый спад в последнее десятилетие объемов двустороннего военного сотрудничества, Китай по-прежнему является крупным партнером России в военно-технической сфере, а основой вооружения НОАК остается российская или скопированная с российских образцов вооружения техника.

В условиях того, что страны Запада традиционно придерживаются эмбарго на поставку в Китай новейших видов боевой техники и современных военных технологий, Россия продолжает быть во многом безальтернативным для КНР поставщиком этих технологий. Так, в 2012 г. Китай и Россия подписали соглашения о поставке 24 российских истребителей Су-35 и совместном строительстве для Китая четырех дизельных подводных лодок класса "Лада"⁹⁹.

В свою очередь, на учениях ШОС китайцам, ориентирующимся на российские тактические нормативы и военную технику, особенно важно, чтобы ее комплексные испытания прошли при участии экспортеров. Это дает возможность представителям НОАК наглядно сравнить эксплуатационные возможности сходных систем, находящихся в разных руках.

Нельзя сказать, что военно-техническое взаимодействие само по себе является гарантом формирования общности долгосрочных интересов России и Китая в ШОС. Подчеркнем, что ввиду сохраняющейся актуальности проблем внутренней безопасности Китая: в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибете и ряде приграничных с ними провинций, китайцы все же извлекают пользу

---

⁹⁹ Ильященко А. Россия-Китай: почти союз. URL: <http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33899> (Дата обращения 29.03.2013).

из «прямого предназначения» проводимых учений ШОС – антитеррористической составляющей. Она состоит в отработке практических действий специальных органов во взаимодействии с регулярными частями вооруженных сил.

Для китайских представителей важен опыт российских антитеррористических, правоохранительных и других специальных структур, ранее задействованных на решении боевых задач в Таджикистане, Чечне, Абхазии, Южной Осетии, Косово и владеющих навыками реального проведения операций в боевых условиях. Также интерес для КНР представляет заимствование опыта спецопераций центрально-азиатских подразделений, например, навыки роты специального назначения «Скорпион» (Киргизия) во время «Мирной миссии-2007», а также особенности применения этих навыков в географических условиях, схожих с условиями Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Одна из проблем здесь заключается в том, что китайское руководство рассматривает вопросы противодействия терроризму, возникающие в проблемных регионах КНР, прерогативой внутренней политики КНР, а не антитеррористических формирований ШОС. Еще одна проблема состоит в том, что, несмотря на регулярно проводимые совместные антитеррористические учения ШОС, не отработан механизм реальных действий стран - участников в случае резкого обострения событий в регионах Китая и других стран.

К примеру, в ситуации в Киргизии в 2010 г. Китай, как один из ведущих членов ШОС, не смог предложить чего-либо существенного для локализации этого конфликта, избежав при этом обвинений во вмешательстве во внутренние дела и подъема волны антикитайских настроений, связанных с так называемой «китайской экспансией». То есть, готовых ответов у Пекина не было, как впрочем, и у остальных участников ШОС. Это означает, что вопрос о целесообразности

проведения организацией антитеррористических учений и, главное, об их «двойном» предназначении, до сих пор остается открытым.

3.3. Перспективы регионализма в Большой Восточной Азии и роль Китая

Вряд ли можно не согласиться с тем, что формирование и продвижение архитектуры региональной безопасности, основанной на принципе многосторонних консультаций является приоритетом как России, так и Китая. Возможности построения нового типа регионализма в Азии исследуются целым рядом институтов: Национальным комитетом по исследованию БРИКС, Российским национальным комитетом Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества и безопасности, Китайским фондом международных проблем и т. д.¹⁰⁰

По поводу строительства новой архитектуры безопасности было сделано много заявлений, однако в силу определенных причин она пока простаивает. Так, за более чем 10-летний период, прошедший с момента создания ШОС можно подытожить, что ее институциональная эффективность пока недостаточно высока. Это обусловлено не только слабой реализацией на практике принятых политических решений по безопасности, но и отдельными элементами стратегии Китая, ориентированной на достижение односторонних экономических результатов от сотрудничества.

Достаточно серьезной является проблема неопределенности политики ШОС по отношению к США, Индии, Ирану и т. д. Во многом эта неопределенность обусловлена сложными геополитическими противоречиями в отношениях этих стран с

---

¹⁰⁰ Россия, Китай и новая архитектура безопасности в зоне Тихого океана. URL: <http://cscaprussia.fondedin.ru/en/node/31> (Дата обращения 5.03.2013).

Китаем, а также прагматичной политикой Пекина, как правило, стремящегося не предоставлять возможным конкурентам преимуществ, получаемых от сотрудничества с международными организациями.

Очевидно, что один из элементов стратегии Китая в ШОС заключается в том, чтобы сыграть «свою игру» сразу на двух направлениях. КНР старается обеспечить надежные тылы в Центральной Азии и получить доступ к ее углеводородным и иным ресурсам. Параллельно Китай усиливает свои позиции в не менее (а скорее даже более, с геополитической точки зрения) значимом для него Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Выше уже упоминалось, что несмотря на «тактические» разногласия, Россия и Китай имеют общий подход к международной архитектуре безопасности. Опыт формальных, не работающих на практике документов на примере СНГ и ШОС, а также проблемы, связанные с «мертвыми» документами в рамках других институтов, побуждают их участников к поиску новых путей.

Безопасность или экономика?

Вряд ли целесообразно ставить перед участниками региональных организаций БВА экономические задачи, основанные на китайском подходе к построению на обширном пространстве зоны свободной торговли, например интеграцию экономических пространств ЕврАзЭС и ШОС. Их реализация в ближайшей перспективе маловероятна. Очевидно, что активную роль для преодоления «застоя» торгово-финансовых проектов предстоит сыграть России.

Одновременно с тем, что наша страна представляет интерес для Китая в качестве обширного рынка энергоресурсов, и Китай с его

малоосвоенным обширным рынком трудовых и производственных ресурсов интересен для России. Решение проблем экономического дисбаланса путем активного привлечения российского капитала на китайско-центрально-азиатские рынки, создания с помощью торгово-финансовых механизмов ЦАРЭС и ШОС новых производств на малоосвоенном китайском экономическом пространстве и разнообразия импорта в Китай энергетических носителей другими формами сотрудничества будет способствовать реализации национальных интересов России на этом геополитическом и торгово-экономическом пространстве.

В частности, запуск в работу ШОС структур и механизмов, подобных Энергетическому клубу способен оказать определенное воздействие на Китай. Учитывая, что Китай может столкнуться с все более ограниченными и подверженными прерываниям поставками энергии, ценность российских энергоносителей в подсчетах Пекина по энергетической безопасности должна увеличиться. Китай, конечно, будет присматриваться к ценам на энергию от других поставщиков, но вряд ли кто-то сможет сравниться с Россией по возможному объему поставок и географической близости. К тому же, в будущем этот проект станет финансово выгоден не только двум странам: Китаю и Киргизии, которые уже являются членами ВТО, но и России, которая вступила в нее в 2012 г.

Отдельно стоит сказать и о российско-китайской инициативе по строительству новой архитектуры региональной безопасности. Пока эта инициатива чаще упоминается в российских, нежели китайских заявлениях. Проблема здесь заключается в подходах каждой из сторон к ведению институциональной политики.

Взять хотя бы одну из ключевых для российско-китайского сотрудничества структуру – БРИКС, имеющую, скорее глобальный, нежели региональный характер. В БРИКС Китай настроен на

расширение организации, а Россия ратует больше за углубление взаимоотношений в рамках уже существующего блока¹⁰¹.

Или пример Шанхайской организации сотрудничества, которая, как уже упоминалось, для Китая - средство развития экономического сотрудничества, в то время как Россия хочет решать через эту организацию более широкий спектр международных проблем.

Между тем, визит китайского лидера Си Цзиньпина в Москву в 2013 г. показал, что у России есть военно-стратегическая заинтересованность в укреплении связей с КНР в области ПРО. По итогам встречи Си Цзиньпина и министра обороны России Сергея Шойгу, «были отмечены общие обеспокоенности двух сторон по проблеме противоракетной обороны»¹⁰².

Выход здесь – в улучшении взаимодействия в рамках уже существующих организаций, например ШОС и АСЕАН (а ШОС, как мы говорили, имеет непосредственное отношение и к Азиатско-Тихоокеанскому региону). Это дало бы возможность участникам ШОС повлиять на существующую в регионе уже более полувека замкнутую и непрозрачную военную архитектуру, основанную на двусторонних союзах стран АТР с США. Один из действенных шагов на этом направлении - это возможность присоединения к Балийскому Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 года, по сути, имеющему общие с ШОС принципы¹⁰³.

Учитывая лидерский потенциал Китая, усугубляющий проблему несимметричного партнерства в ШОС, возможен пересмотр ее внутренней структуры с учетом функциональной специфики стран

---

¹⁰¹ Россия, Китай и новая архитектура безопасности в зоне Тихого океана. URL: <http://cscarp-russia.fondedin.ru/en/node/31> (Дата обращения 5.03.2013).

¹⁰²Ильященко А. Россия-Китай: почти союз. URL: <http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33899> (Дата обращения 29.03.2013).

¹⁰³ Тимофеев А. Саммит АТЭС-2012: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество или Транс-Тихоокеанское партнерство? URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhuotechestvu/arkhiv-materialov/2012/mart-2012/item/158>(Дата обращения 5.04.2013).

- членом, например, по схеме 2+2+2¹⁰⁴ (Россия-Китай, Казахстан-Узбекистан, Таджикистан-Киргизия). Потенциал Китая важен здесь еще и потому, что КНР одновременно является участником АПТ, АРФ и АТЭС.

Принимая во внимание, что активное участие в этих азиатско-тихоокеанских институтах является для Китая стратегическим приоритетом, его большой политический вес мог бы быть использован для повышения уровня сотрудничества ЦАРЭС и ШОС с интеграционными проектами АТР.

Так, Китай является ведущим участником процесса шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, а в региональных инициативах АТЭС и АПТ ни одно крупное решение не принимается без участия Пекина. Эти факторы могли бы дополнительно повысить возможности взаимодействия участников некоторых азиатских объединений с теми странами, для которых Китай является партнером на другом стратегическом поле (например, при приглашении представителей ШОС на встречи в рамках АСЕАН с участием Китая, или представителей АСЕАН на заседания ШОС).

Отдельно стоит сказать о контактах Китая с ОДКБ. Поскольку двойственность членства в ШОС и ОДКБ создает деликатную проблему разрешения возможных конфликтных ситуаций между этими организациями, этот вопрос рано или поздно придется решать. Китай не является членом ОДКБ, более того, характер совместных учений ШОС показывает, что в Китае не желают делить контроль над военно-антитеррористической составляющей ШОС с ОДКБ, вследствие российского лидерства в этой организации. Следует также учитывать, что интересы КНР далеко не всегда совпадают с российскими установками в ОДКБ.

---

¹⁰⁴ Сыроежкин К. Л. Россия и Казахстан в ШОС: проблемы и перспективы. URL: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1166515560 (Дата обращения 5.12.2010).

Создание объединенных сил быстрого реагирования ОДКБ и ШОС обеспечило бы прямую ответственность Китая за безопасность в Центральной Азии, а также могло бы объединить разведывательные действия правоохранительных структур КНР с органами других стран - членов. При этом на первоначальном этапе можно было бы ограничиться функциями по сбору и анализу информации, что уже успешно применяется на практике в ШОС.

Основной задачей региональной стратегии КНР в сфере безопасности в перспективе могла бы стать выработка практических мер по урегулированию кризисных ситуаций на центрально-азиатском пространстве, основанная на принципах посредничества, заступничества, ходатайства, предотвращения полномасштабного вооруженного конфликта, неотложных операций по восстановлению экономики.

Как ни странно, для дальнейшего совершенствования сотрудничества по безопасности важна совместная языковая подготовка военных кадров. Одной из причин недопонимания китайских военных с подразделениями других стран ШОС на совместных учениях является языковой барьер. Взаимопонимание в лингвистических и военно-специальных вопросах, которое сохранилось у России и стран Центральной Азии еще со времен Советского Союза, в случае с КНР попросту отсутствует.

О заинтересованности КНР в этом направлении говорит тот факт, что в 2006 - 2008 гг. совместными усилиями министерств обороны России и Китая проводились двухнедельные стажировки курсантов языковых специальностей Военного университета Министерства Обороны РФ в ряд высших учебных заведений Китая.

Интерес Китая к новейшим образцам вооружения и техники, представляемым на учениях ШОС открывает возможности более тесного сотрудничества в КНР стран - участников в области

разработок военной и специальной техники, увеличения обмена соответствующими специалистами и усиления сотрудничества в области обмена достижениями результатов исследований.

Как и другие военные события, антитеррористические учения ШОС, которые происходят в непосредственной близости от границ КНР, оказывают прямое влияние на процесс военного строительства в Китае. Как результат, правительством КНР значительное внимание уделяется вопросам увеличения ассигнований на НИОКР в военной области и разработки специальной техники. Российские и иные представители могут поддерживать и развивать свое участие в таких проектах, расширяя сферу военно-технического, военно-научного, технологического и другого сотрудничества в пределах ШОС, допуская в рамках конкурсов на обширный китайский рынок более мелких производителей.

Наконец, одним из по-настоящему действенных шагов на направлении сотрудничества по безопасности может являться работа представителей вооруженных сил стран Центральной Азии и БВА в рамках объединенной структуры. На первый взгляд этот шаг маловероятен. Однако в рамках ШОС Китай совместно с Россией уже отработывал на практике функционирование подобной структуры. В 2007 г. китайцы согласились с тем, чтобы руководство учениями «Мирная миссия – 2007» осуществлялось Россией, а начальником объединенного штаба был представитель китайской армии.

Расширение ШОС и новые модели интеграции

Несмотря на существующие разногласия в региональных приоритетах отдельных государств, Китай в целом приветствует дальнейшее расширение центрально-азиатских проектов за счет новых участников. До последнего времени конкретные шаги в

направлении ШОС попросту отсутствовали¹⁰⁵.

Компромисс здесь мог бы быть достигнут за счет схожих интересов Китая, стран - участников и стран, претендующих на статус постоянных членов организации (Афганистан, Монголия, Иран, Пакистан).

Например, подходя к решению вопроса обеспечения внутренней безопасности страны, Китай достаточно настороженно относится к Афганистану, который напрямую сообщается с Центральной Азией. В то же время, ШОС может стать базисом для создания альтернативного «политического центра» в этом регионе. Понятное дело, что о решении военных проблем в Афганистане посредством ШОС не может быть и речи. Действия ШОС на этом направлении могли бы выразиться в финансировании социальных и инфраструктурных проектов на территории Афганистана и в борьбе с наркотрафиком посредством контроля по периметру афганских границ.

Можно упомянуть о визите в Китай в конце ноября 2010 г. главы Федеральной службы по наркоконтролю Виктора Иванова с целью активизировать совместную борьбу с наркотрафиком в региональном масштабе¹⁰⁶. Воспользовавшись общей проблемой борьбы с оборотом наркотиков совместно с соответствующими структурами остальных стран - членов организации, Китай как один из главных игроков ЦАРЭС и ШОС в дальнейшем мог бы оказывать финансовое содействие в разрешении проблем в Пакистане и Афганистане, особенно с учетом постепенного сворачивания в регионе военного присутствия США.

---

¹⁰⁵ На саммите ШОС 2006 г. в Шанхае был объявлен временный мораторий на расширение организации. В 2012 году на Саммите ШОС в Пекине Афганистан получил статус наблюдателя при ШОС, а Турция стала партнером по диалогу. Состав участников при этом остался прежним. (Прим. авт.)

¹⁰⁶ ШОС-2010 в зеркале мировой прессы. Молодежный совет ШОС. URL: <http://uscso.org/?lng=ru&module=news&action=view&id=72> (дата обращения 22.08.11)

На саммите ШОС в 2009 г. президент Узбекистана Ислам Каримов предложил создать под эгидой ООН механизм для решения афганской проблемы в формате «6+3». Это четыре страны - члена ШОС (Узбекистан, Россия, Китай, Таджикистан), 2 страны - наблюдателя при организации (Иран, Пакистан), северо-западный сосед афганцев Туркменистан, а также США и НАТО¹⁰⁷.

Заметим, что КНР, по вполне объективным причинам, привлекает возможность участия в ШОС нейтрального Туркменистана, обладающего внушительными запасами энергетического сырья. Китаю выгодна выработка новой и эффективной формулы развития и реальной интеграции государств в организации, которая была бы интересна и Туркменистану.

Стратегии КНР в Центральной Азии также отвечают историческая роль в регионе и энергетический потенциал Ирана. Проблема Ирана могла бы иметь тенденцию к решению, если бы Пекин продемонстрировал свое желание использовать рычаги воздействия на Иран, как на одного из наблюдателей ШОС в ускорении переговорного процесса с Советом Безопасности ООН и МАГАТЭ. Для КНР, таким образом, членство Ирана в ШОС может быть выгодным, но с условием, что ядерные программы Ирана будут поставлены под надежный контроль.

Более сложный вопрос касается расширения участия в ШОС Индии и Пакистана. Как и КНР, Индия и Пакистан – ядерные державы, которые могут повлиять на решение некоторых вопросов ядерного сдерживания и контроля в рамках ШОС. Пока в рамках ШОС эта тема не обсуждается. В то же время, в ближайшие годы значимость Индии в многостороннем сотрудничестве в Восточной и Центральной Азии будет только повышаться, а значит, Китаю в будущем предстоит столкнуться с дилеммой – сотрудничать или

---

¹⁰⁷ URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=4476> (дата обращения 1.09.12)

соперничать ему с Индией на этом пространстве?

Несмотря на то, что участие в ШОС Индии создает относительное равновесие в южно-азиатской зоне, оно неизбежно испытает противодействие со стороны Китая, поскольку Пекин всегда и везде выступает против усиления Дели. С другой стороны, когда Китай оказался перед лицом обострения конкуренции с Японией, США и рядом государств ЮВА, ему очень невыгодно иметь плохие отношения с Индией. А улучшение этих отношений не только необходимо, но и вполне реально. Так, Китай и Индия являются членами БРИКС и в рамках этой организации сотрудничают по отдельным вопросам.

При отдельном вступлении в ШОС Пакистана возникают возможные сложности в отношениях внутри ШОС, с учетом союзнических отношений КНР с Пакистаном и разногласий между Пакистаном и другими участниками, не поддерживающими его политику.

Одной из возможных форм развития взаимодействия КНР, Индии и Пакистана в рамках ШОС видится изменение их статуса «наблюдателей» и создание отдельных, углубленных форматов отношений, наподобие «ШОС + Индия» и «ШОС + Пакистан». Несмотря на непростые отношения КНР с Индией, в перспективе необходимо добиваться ее углубленного участия в ШОС еще и потому, что усиление организации еще одним ключевым игроком АТР определенно будет способствовать отходу ШОС от формата «борьбы за лидерство» Китая и России, укрепит ее многонациональный формат.

Центральная Азия - возможности взаимодействия Китая с США и Западом есть

Взаимодействие Китая и США по вопросам регионализма в БВА выглядит достаточно размытым. В силу геополитических, идеологических и других барьеров, говорить о какой-либо формализации этих отношений пока достаточно сложно. Данный факт, однако, не означает, что необходимости в таком взаимодействии нет.

Стремление использовать отдельные элементы сотрудничества в ШОС для ограничения регионального присутствия США обусловлено прагматичным подходом Пекина к сохранению благоприятного для него баланса сил в БВА. Незаинтересованность КНР в американском участии в организациях подобного рода объясняется тем, что США, так или иначе будут пытаться доминировать в них, реализуя свои представления о безопасности в регионе.

С другой стороны, США полностью разделяют фундаментальные цели такой организации, как ШОС, особенно, что касается борьбы с терроризмом, охраны государственных границ, содействия региональной безопасности, с другой – США не являются ни членом ШОС, ни ее наблюдателем. Необходимость конкретизации Шанхайской организацией своей политики по отношению к США не вызывает сомнений, и в перспективе вопрос о взаимоотношениях между ШОС и западными странами будет становиться все острее.

Противодействие однополярному миру является характерной чертой политики ШОС, но это не означает превращения организации в антиевропейский и антиамериканский форум. Это значит, что Китай и США в рамках ШОС могут построить систему отношений по отдельным направлениям, дополненную пониманием возможности

неизбежных расхождений и действиями по взаимному ограничению их возникновения.

Ключевым элементом здесь является многонациональная структура участников. Одним из вариантов развития организации на этом направлении могла бы стать смена формата существующих стран - участников и наблюдателей на «ШОС + А», например «ШОС + 3», с участием Японии, ЕС и США либо формат «ШОС + 2», включая Японию и ЕС в случае отказа США.

В перспективе Китай и США могли бы найти общие точки взаимодействия по линии механизма ШОС – НАТО, например, в решении афганского вопроса и в эффективной стратегии выхода из этого кризиса. На встрече стран ШОС в 2010 г. участники заявили о готовности сотрудничать с НАТО по специальным проектам, касающимся безопасности границ с Афганистаном¹⁰⁸. Поскольку у Китая есть глубокая заинтересованность в установлении стабильности в регионе, окружающем Афганистан, в дальнейшем можно ожидать более гибких решений китайского руководства по этому вопросу.

В условиях усиления в последние годы шагов по укреплению евразийской интеграции, роль Китая в сближении восточноазиатского, центрально-азиатского и европейского регионализма также трудно переоценить. В Китае высоко оценивают взвешенную позицию Европейского союза, в значительной мере исключаящую из европейско-китайских взаимоотношений так называемую идеологическую компоненту (исключение составляет лишь сохраняющееся со времен «холодной войны» на поставку вооружений Китаю). У КНР и ЕС нет столкновения коренных интересов, а с 1990-х гг. наблюдается взаимное стремление к

---

¹⁰⁸Марицца Д. Диалог между ШОС и НАТО. *L'ossidentale* (Италия). URL: <http://www.inosmi.ru/world/20110114/165626753.html> (Дата обращения 2.05.2011)

расширению экономического и технологического сотрудничества¹⁰⁹.

Стабильная и предсказуемая Европа могла бы стать образцом для построения отношений при создании новой архитектуры безопасности и сотрудничества в Азии. Можно привести мнение китайского исследователя Чжана Байцзя, говорящего о том, что в Азии отсутствует самоупорядочение, характерное для Европы, а это – историческая задача, решение которой необходимо начать¹¹⁰.

Энергетическая политика КНР в Центральной Азии дает предположить, что в перспективе Китай и Европа могут развязать конкуренцию за Евразийские энергетические источники. Нефтепроводы Казахстан – Китай и Россия – Китай могут создать конкурентную среду Китая с ЕС. Диалог между КНР и ЕС в области энергетической безопасности посредством ШОС мог бы стать альтернативой этой конкуренции (разумеется, с учетом создания четкой стратегии по урегулированию спорных вопросов такой безопасности).

Несмотря на то, что ШОС имеет другой географический вектор – восточный, есть примеры, когда в пространство экономической деятельности организации в рамках государственно-частного партнерства вписываются западные компании. Так, например, при участии немецких специалистов в Челябинской области возводится транспортно-логистический комплекс.

Усилия ЕС и ШОС можно было бы сосредоточить и на угрозах общей безопасности, таких, как наркоторговля, коррупция и организованная преступность. Это может осуществляться путем межправительственных соглашений, сотрудничества Европола

---

¹⁰⁹Antonenko O. The EU and the Shanghai Cooperation Organization. 2007. April. URL: http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/Quarterly/August_2007/Bailes.pdf (Дата обращения 10.01.2010).

¹¹⁰ Чжан Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 51.

(Объединенной Европейской полиции) и РАТС.

Кроме того, в Китае заинтересованы в освоении европейской социальной и институциональной технологий, обеспечивающих последовательное расширение ЕС и увеличение сферы его влияния. Это в будущем могло бы быть дано результат как для ШОС, так и для ЦАРЭС.

Китаю в рамках ШОС, таким образом, в перспективе жизненно необходимо стремиться к построению партнерских отношений с США, Европой, Японией и другими государствами, заинтересованными в поддержании стабильных и предсказуемых режимов в Центральной Азии.

* * *

Очевидно, что стратегия КНР в центрально-азиатских организациях построена на извлечении долгосрочной геостратегической пользы из сотрудничества со странами - участниками. Китайская стратегия направлена на использование механизмов всестороннего сотрудничества для реализации интересов в Центральной Азии и обеспечения безопасного развития на северном направлении китайской политики. Так, региональные инициативы Китая в рамках ЦАРЭС тесно связаны с необходимостью создания внешних условий для собственного экономического развития.

В свою очередь, стратегия Китая в рамках ШОС играет свою роль и в практической реализации экономических проектов, и в противодействии американскому влиянию в регионе. Проблемы, связанные с реализацией ШОС функций по безопасности показывают необходимость учитывать роль механизма институционального сотрудничества в проведении Китаем национальной политики в проблемных регионах – Синьцзяне, Тибете.

В то же время, участие Китая в региональных проектах

Центральной Азии несет огромные возможности для реализации новых методов и форм стабилизации региональной обстановки: оказание помощи наиболее слабым экономикам, сокращение бедности, создание новых рабочих мест, инфраструктурное строительство. Это касается и остальных участников. И хотя позитивные результаты по многим из этих направлений могут иметь долгосрочный характер, они представляют большую важность в деле создания «неконфронтационной» модели регионализма на пространстве БВА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достаточно сложно в рамках небольшого исследования определить все закономерности стратегии Китая в азиатских многосторонних институтах и изучить тенденции и направления их будущего развития. Однако определенные выводы, представляющие практический интерес, все же можно сделать.

Несмотря на то, что в основе внешнеполитической доктрины Пекина лежит неучастие в любых военных блоках и коалициях, именно Китай является движущей силой и инициатором многих интеграционных процессов в регионе. Новому китайскому руководству, которое было избрано на прошедшем в 2012 г. 18-м съезде КПК, еще предстоит в течении ближайших 10 лет доказать свои способности. Однако то, что Китаю уже удалось вписать свою «особую роль» в построение азиатского регионализма, вряд ли можно поставить под сомнение.

Очевидно, что китайское руководство использовало и продолжает использовать многосторонние организации на всей территории АТР и БВА для обеспечения своих государственных интересов, в соответствии с постулатами теории «нового регионализма». Более того, делая ставку на развитие институтов, которые способствуют реализации его стратегических целей, в некоторых из них (АПТ, ШОС) Пекин смог добиться значительного влияния и возможности контролировать принимаемые решения. А участие в трансконтинентальных многосторонних проектах, подобных АТЭС принесло Китаю большой международный авторитет.

Одним из важнейших факторов, который способствовал такому успеху, является системность институциональной стратегии Китая, обусловленная принципом «влияние важнее власти» и органичным

воздействием на ключевые точки регионов, государств и общественных систем. Большую роль в долгосрочной перспективе сыграло и использование Пекином модели, построенной на дополняющих друг друга китайских внешнеполитических теориях и концепциях: как базовых (теорий «антигегемонизма», «мира и развития», «стратегического партнерства» и «нового международного порядка»), так и более современных (концепций «идти вовне», «научного развития» и «гармонизации мира»).

Заметим, что хотя институциональные процессы и имеют определенное значение для КНР, они не стали ключевыми при выработке Пекином стратегии, которая исходит из того, что ни одна из сторон не желает связывать себя жесткими обязательствами. В этом смысле показательно стремление Китая к открытому и свободному рынку в рамках АТР и на пространстве ШОС, а также нежелание допускать вмешательство других участников объединений в тайваньскую, тибетскую, синьцзянскую и другие проблемы, которые в Китае относят к вопросам внутренней политики.

Понятно, что китайское руководство стремится использовать азиатские международные институты в силу огромной экономической выгоды, которые представляют открытые рынки участников азиатского регионализма для внутреннего развития КНР. В какой-то степени выглядит не завуалированным и намерение китайских официальных лиц развивать и укреплять в межгосударственных организациях АТР и БВА лидерскую стратегию.

В этом смысле экономическая и политическая эффективность использования Пекином азиатских многосторонних институтов довольно высока. Не стоит забывать, что Китай совместно с другими государствами при наличии общей политической воли в состоянии выработать механизм решения многих региональных проблем и стратегия Пекина в азиатских многосторонних институтах это

наглядно демонстрирует.

Многие проблемы развития азиатских интеграционных проектов связаны с расхождением взглядов китайского руководства с политическими установками других участников. Это, прежде всего, противоречия Китая с США, Японией, Индией, Россией и т. д. Кроме того, стратегия Пекина в многосторонних институтах Большой Восточной Азии испытывает ограничения в силу того, что направлена на преимущественное развитие моделей, опирающихся на азиатский формат членства (АЗЕМ, АПТ) и стремящихся представлять в международных институтах единую Восточную Азию. Впрочем, над этими проблемами новому китайскому руководству еще предстоит поработать.

В будущем можно ожидать, что КНР окрепнет настолько, что сможет доминировать в Юго-Восточной Азии и в прилегающих к КНР районах Тихого океана. С этой точки зрения, дальнейшее изучение опыта Китая, активно отстаивающего свои национальные интересы в рамках многосторонних организаций, отвечает национальным интересам России в использовании ею торгово-финансовых механизмов международных институтов, выстраивании различных форм многосторонней дипломатии, поиске путей преодоления экономических и политических кризисов, а также во многих других важных вопросах.

Список литературы

1. Арин, О. О внешнеполитической стратегии КНР [Электронный ресурс] // Приложение к Независимой газете, «НГ- сценарии». – 1999. – Режим доступа: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/o_vneshnepolit_strategii_knr.htm
2. Арешидзе, Л. Г. Международные отношения в Восточной Азии : угрозы и надежды / Л. Г. Арешидзе. – М. : Междунар. отношения, 2007. – 293 с.
3. Баранов, А. Ю. Шанхайская организация сотрудничества: становление и пути развития / А. Ю. Баранов. – М. : Междунар. ин-т социальных наук, 2007.
4. Бавырин, Д. «Сяокан» вместо «чучхе» [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». – 2007. – 15 окт. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2007/10/15/117534.html>
5. Ван Ичжоу. Дорожить исследованием нетрадиционной безопасности. // Жэньминь Жибао. – 2003. – 21 мая. – № 7.
6. Ван Цзинцунь. Шанхай хэцзо цзуцжи фачжань чжундэ чжун э гуаньси вэньти (Вопросы отношений КНР и России в ШОС) // Оу я шэхуй фачжань кэсю. – 2001. – С. 16-18.
7. Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные изменения : коллективная монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 328 с.
8. Воскресенский, А. Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. А. В. Торкунова. – М. : МГИМО, 2007. – С. 22-39.
9. Волохова, А. Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе оценки китайских политологов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-155.pdf>
10. Гарнетт, Ш. У. Ограниченное партнерство : Российско-китайские отношения в меняющейся Азии : докл. Группы по изучению рос.-кит. отношений / Гарнетт Ш. У. ; пер. с англ. – М., 1999. – 53 с.
11. Декларация глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества (г. С.Петербург, 7 июня 2002 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sectSCO.org/html/00501.html>
12. Дипломатия Китая: основные сведения о Китае: сборник официальных источников / под ред. Чжоу Ихуан. – Пекин : Межконтинентальное из-во Китая, 2005. – 188 с.
13. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств

- членов Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г. // Рос. газ. – 2008. – 18 июня. – С. 8-9.
14. Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК : документы XVII Всекитайского съезда коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm
  15. Документы XVII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая / Госсовет КНР. – Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках КНР, 2007. – 254 с.
  16. Е Цзычэн. Диюань чжэнчжи юй чжунго вайцзяо (Стратегия, политика и дипломатия Китая). Бэйцзин чубаньшэ. – 1998.
  17. Зимонин, В. П. ШОС: масштабы влияния [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.info.shos.ru/?idn=286>
  18. Зимонин, В. П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития : материалы кругл. стола. – М., 2008.
  19. Зотов, О. В «Большая» Центральная Азия и принципы геополитики КНР. Транскаспийский проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/asia_china_geopolitics.htm
  20. Ильященко А. Россия-Китай: почти союз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33899>
  21. Каплан, Р. География китайской мощи // Военно-промышленный курьер. – 2010. – 12 окт.
  22. Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы : тез. докл. XI Междунар. науч. конф. «Китай, кит. цивилизация и мир. История, современность, перспективы», (Москва, 27-29 сент. 2000 г.) / [подгот. Р. М. Асланов (рук.) и др.]. – М., 2000. – 50 с.
  23. Конвенция государств - членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 5 июля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_153991.html
  24. Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь анцюань гуань (Новая концепция безопасности Китая) // Хэпин юй фачжань. – 2002. – № 2.
  25. Линь Лиминь. Данцянъ шицзе диюань чжаньлюе тайши цзи цицянъцин (Современная мировая стратегия и грядущие перспективы) // Сяндай гоцзи гуаньси. – 2004. – № 1. – С. 32-35.
  26. Лукин, А. В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. – 2007. – Май - Июнь. – № 3. – С. 23-24.

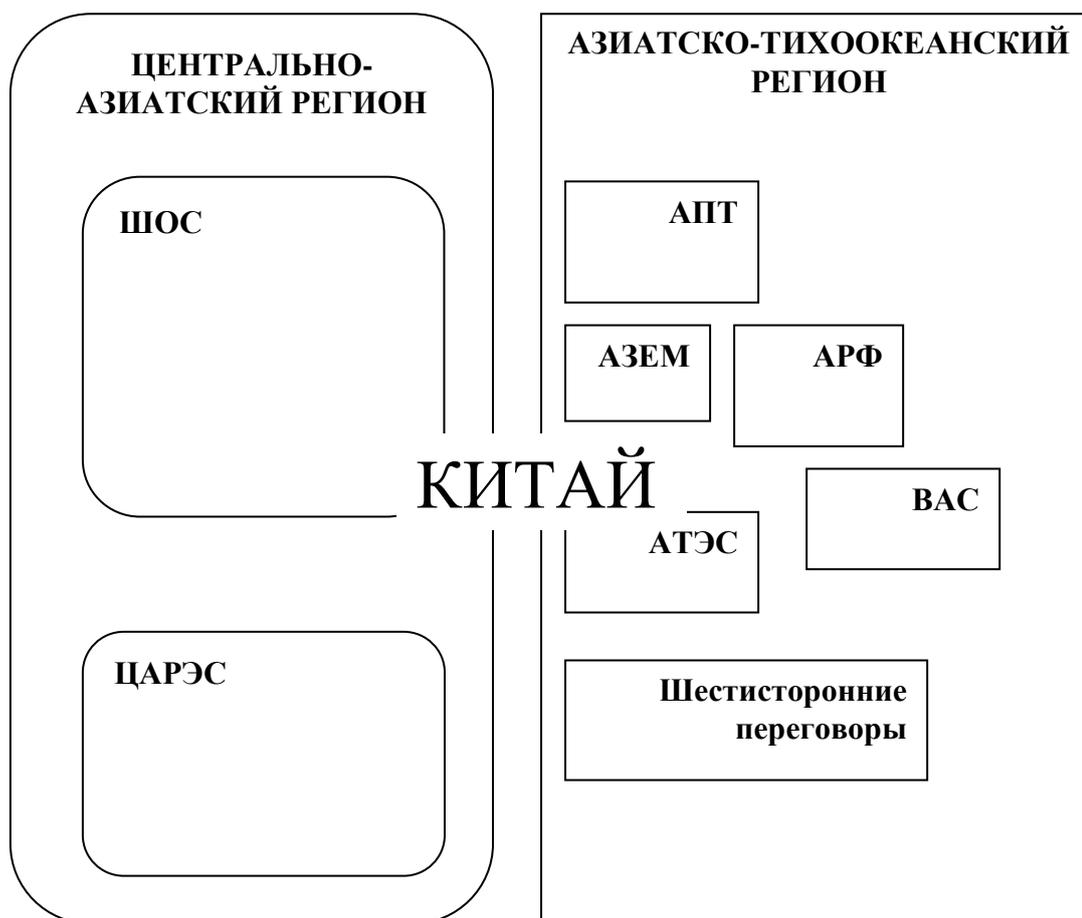
- 27.Лукин А. В. ШОС: итоги российского председательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012>
- 28.Лузянин С. Китайский фактор в АТЭС: ограничитель или стимулятор? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2012_04_26/73058045/
- 29.Лузянин С. Китай между жесткостью и мягкой силой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=10627>
- 30.Ли Шаоцзюнь. Об обеспечении международной безопасности // Проблемы безопасности, стоящие перед Китаем в XXI в. – Пекин, 1997.
- 31.Лукин, А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 245 с.
- 32.Лю Лифань. Размышления о стратегии нефтяной безопасности Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjshujia/zggqgl/1200309110150.html>
- 33.Марицца Д. Диалог между ШОС и НАТО (перевод статьи) [Электронный ресурс] // L'ossidentale (Италия). – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20110114/165626753.html>
- 34.Мирная миссия-2010 состоялась [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otvaga2004.narod.ru/publ_w7_2010/0037_missia.htm
- 35.Национальная оборона Китая: основные сведения о Китае: сборник официальных материалов / под ред. Пэн Гуанцянь. – Пекин : Межконтинентальное изд-во Китая, 2004. – 191 с.
- 36.Подолько, Е. 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки [Электронный ресурс] // Политический журнал. – 2007. – № 30. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=7472&issue=205>
- 37.Речь Ху Цзиньтао на 10-м заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества (11 июня 2010 г., г. Ташкент) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t708498.htm/>
- 38.Справочная информация об АТЭС : Официальный сайт Секретариата АТЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apec.org/apec/about_apec.html
- 39.Оразалиев, Е. Перспективы ШОС в контексте сотрудничества в области региональной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kisi.kz/site.html?id=4020>
- 40.Свешников, А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности [Электронный ресурс] // Китай в мировой политике. - М., 2001. – Режим доступа:

- http://elib.org.ua/politics/ua_readme.php?subaction=showfull&id=141857334&archive=&start_from=&ucat=10&
41. Собынин, А. Будет ли война в Азии? Именно Китай рассматривается американцами как потенциально главный противник в XXI веке [Электронный ресурс] / Собынин А., Шибутов М. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1201852860>
  42. Севастьянов, С. В. Межправительственные организации Восточной Азии. Эволюция, эффективность, российское участие : монография / С. В. Севастьянов. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 300 с.
  43. Смирнов, С. М. Азиатско-тихоокеанский регион и «западная» модель коллективной безопасности : монография / С. М. Смирнов. – Владивосток : Морской гос. ун-т, 2008. – 131 с.
  44. Сунь Чжуанчжи. Чжун я син гэцзюй юй дицюй аньцюань (Новая модель Центральной Азии и региональная безопасность). – Пекин, 2001. – С. 12-16.
  45. Сунь Цзяньшэ. Данцянь чжунго чжоубянь аньцюань хуаньцзин юй чжунмэй гуаньси (Современная безопасность на периферии Китая и американо-китайские отношения) // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. – 2003. – № 3. – С. 65-66.
  46. Ся Ишань. Ситуация в энергетике Китая и стратегия ее развития [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Пекин, 2010. – Режим доступа: <http://www.sei.irk.ru/symp2010/papers/RUS/P2-02r.pdf>
  47. Тимофеев А. Саммит АТЭС-2012: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество или Транс-Тихоокеанское партнерство? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhuotechestvu/arkhiv-materialov/2012/mart-2012/item/158>
  48. Титаренко, М. Л. XVII съезд КПК. «Перспективы светлые, но путь извилистый» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/138/138_27.htm
  49. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/?id=33>
  50. Цун Пэн. Сравнение концепций безопасности великих держав. – Пекин, 2004.
  51. Чжао Хуашэн. Чжун э мэй цзай чжун я нэнфоу хэцзо (Взаимодействия КНР, России и США в Центральной Азии). Чжанлюэ юй гуаньли. – 2004.
  52. Чжао Хуашэн. Шанхай хэцзо цзуцжи фачжаньдэ жогань вэньти (Некоторые замечания по поводу перспектив развития ШОС). Фудань дасюэ элосы чжун я яньззю чжунсин. – 2004.
  53. Чжао Чуаньцзюнь. Изучение трех больших отношений в СВА:

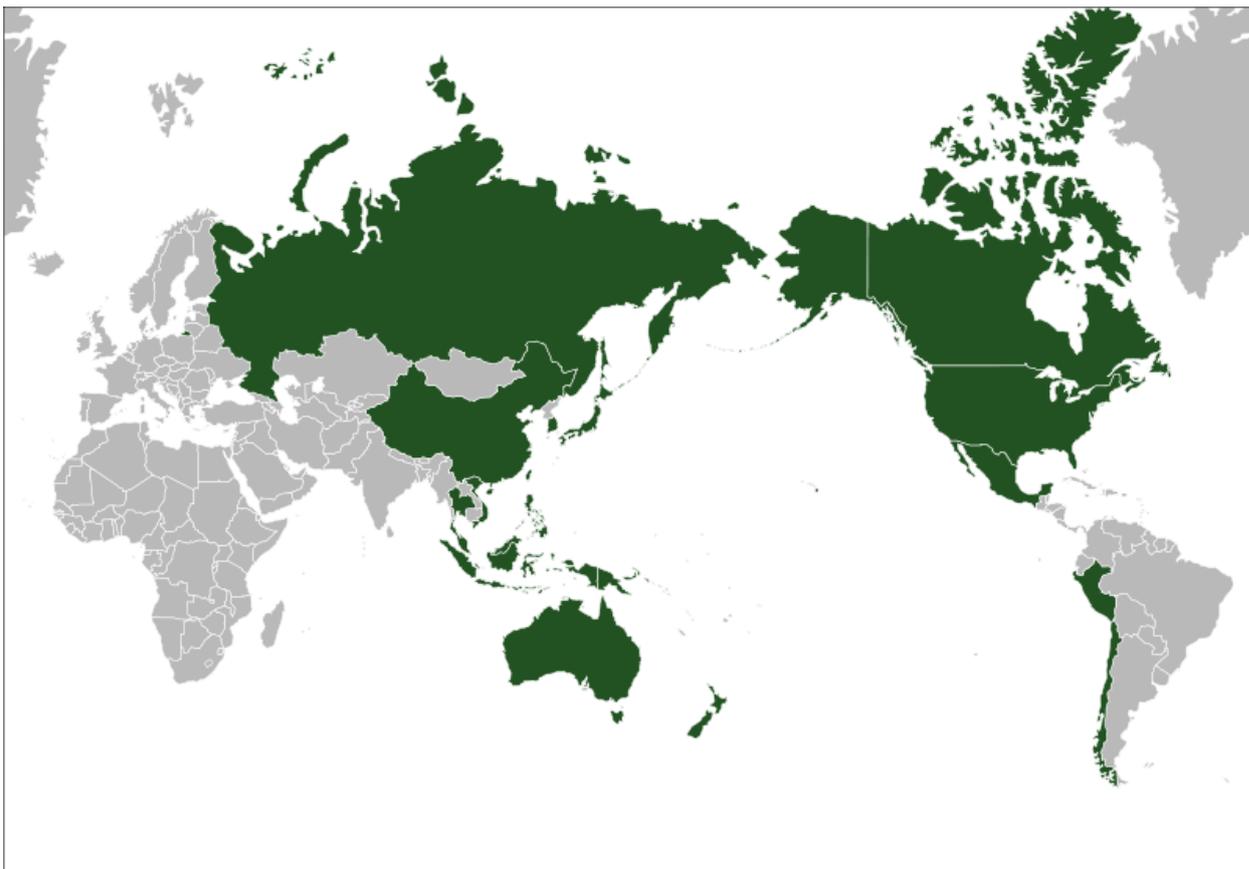
- экономика, торговля, политика, безопасность. – Пекин, 2006.
54. Чэнь Ляньби. Чжун я уго минцзу гуаньси вэньти (Проблемы отношений государств Центральной Азии). Дун оу чжун я яньцзю. – 2001. – 120 с.
55. Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти (Международная стратегия Китая в обсуждениях АСЕАН) // Дандай ятай. – 2003. – № 6. – С. 21-24.
56. Ши Юаньхуа. Лунь синь Чжунго чжоубянь вайцзю чжэнцэ дэ лиши яньбянь (Определение исторического развития дипломатической политики периферийных районов Китая) // Дандай чжунго лиши яньцзю. – 2000. – № 5.
57. Юй Цзяньхуа. ШОС и взгляды безопасности // Исследование теории Мао и Дэн Сяопина. – Шанхай, 2005. – № 3.
58. Янь Сюетун. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности Китая и направление сотрудничества в области безопасности) // Сяндай гоцзи гуаньси. – 1997. – № 11. – С. 28-32.
59. ASEAN Plus Three Cooperation. Официальный сайт АСЕАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.aseansec.org/16580.htm
60. ASEM events calendar [Electronic resource]. – URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/asem/index.html/calendar.pdf>
61. Antonenko, O. The EU and the Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. – URL: http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/Quarterly/August_2007/Bailes.pdf
62. Barkin, J. S. International organization: theories and institutions // Palgrave Macmillan. – 2006. – P. 27-41.
63. Beeson, M. Regionalism and Globalization in East Asia // Palgrave Macmillan. – 2007. – P. 19.
64. Brzezinski, Z. K. China's New Journey to the West, CSIS [Electronic resource]. – 2003. – URL: <http://csis.org/publication/chinas-new-journey-west>
65. Burles, M. Chinese Policy toward Russia and the Central Asian Republics, Rand [Electronic resource]. – 1999. – URL: <http://www.rand.org/publications/MR/MR1045>
66. Chang, F. China's Central Asian Power and Problems // Orbis. – 1997. – Summer. – P. 401-425.
67. Fairbank, J. K. China. A New History / Fairbank J. K., Goldman M. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2001. – P. 197-198.
68. Goh, E. The ASEAN regional forum and security regionalism / Goh E. Acharya A.. – NY : Routledge, 2007.
69. Giragosian, R. The strategic Central Asian Arena // China and

- Eurasia Forum Quarterly. – 2006. – Vol. 4. – № 1. – P. 133-153
70. Iwashita Akihiro. The Shanghai Cooperation Organization and Japan – Moving Together to Reshape the Eurasian Community [Electronic resource]. – URL: http://www.brookings.edu/articles/2008/0128_asia_iwashita.aspx
71. Krlev, N. Rice proposes Asia form security alliance // The Washington Times – 2006. – October 25.
72. Keohane, R. International Institutions And State Power: Essays In International Relations Theory. – Boulder : Westview Press, 1989.
- Li Peng. China's Policy on Energy Resources [Electronic resource] // Xinhua. – 1997. – May 28. – URL: <http://www.fpri.org/orbis/4502/chang.chineseenergyasiansecurity.pdf>
73. Magnier, M. China Puts Focus on Security in Muslim Region // Los Angeles Times. – 2005. – September 30.
74. Minxin Pei. Out Into the World // Newsweek. – Dec 2008-Jan 2009. – P. 16-17.
75. Nye, J. Soft Power: The Means To Success in World Politics. – New York : Public Affairs Group, 2004.
76. Sheng Bin. Regionalism: Challenge for China's trade Policy in the 21th century // ASC Conference. – Tianjin, 2001.
77. Sznajder, A. China's Shanghai Cooperation Organization Strategy. – 2006. – Spring. – Vol. 5.
78. Wang Jisi. China's Changing Role in Asia. – Tokyo : Japan Center for International Exchange, 2004.
79. Yan Xuetong. Economic Security, Good Neighbor Policy Emphasized in Post-Cold War Security Strategy // Xiandai Guoji Guanxi. – 1995. – November 7. – P. 8-13.
80. Yom, S. L. Power Politics in Central Asia // Harvard Asia Quarterly 6 (4). – 2002. – Autumn. – Vol. VI. – №. 4. – P. 48-54.

**УЧАСТИЕ КИТАЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ И ФОРУМАХ АТР И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ФОРУМ
«АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО»¹¹¹**

---

¹¹¹ Официальный сайт Секретариата АТЭС. URL: http://www.apec.org/apec/about_apec.html (Дата обращения 3.02.2010)

**АССОЦИАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ¹¹²**

---

¹¹² Официальный сайт АСЕАН. URL: www.aseansec.org/16580.htm (Дата обращения 12.03.2010)

**ПРОГРАММА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО
РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА¹¹³**

¹¹³ Официальный сайт ЦАРЭС. URL: <http://www.carecinstitute.org/ru/index.php?page=carec-program>
(Дата обращения 4.09.2011)

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА¹¹⁴

- государства - члены
- государства-наблюдатели
- государства со статусом «партнёр по диалогу»

---

¹¹⁴ Шанхайская организация сотрудничества. URL: http://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File:SCO_%28orthographic_projection%29.svg&filetimestamp=20120608000231&uselang=ru (Дата обращения 8.11.2012)

ВСТРЕЧИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ШОС¹¹⁵

	Дата	Место проведения
1.	14-15 июня 2001	 Шанхай
2.	7 июня 2002	 Санкт-Петербург
3.	28-29 мая 2003	 Москва
4.	17 июня 2004	 Ташкент
5.	5 июля 2005	 Астана
6.	14-15 июня 2006	 Шанхай
7.	16 августа 2007	 Бишкек
8.	28 августа 2008	 Душанбе
9.	15-16 июня 2009	 Екатеринбург
10.	10-11 июня 2010	 Ташкент
11.	14-15 июня 2011	 Астана
12.	6-7 июня 2012	 Пекин

¹¹⁵ Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://history-of-wars.ru/shos.html> (Дата обращения 13.10.2011)

Предупреждение

Материал монографии является интеллектуальной собственностью автора А.С. Голобокова.

Все права автора охраняются законом. Воспроизведение настоящей книги или ее отдельных частей и ее размножение любым тиражом в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая запись на магнитный или оптический носитель, фото- и ксерокопирование, переиздание книги, а также ее перевод на иностранные языки с последующим изданием или размножением, без предварительного письменного разрешения автора запрещены. При использовании материалов книги ссылка на источник обязательна.

Защищается правовыми нормами, установленными законодательством об авторском праве: Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений, Всемирной (Женевской) конвенцией об авторском праве, Законом Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах" от 9 июля 1993 года № 5351-1 ("Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации", 1993, № 32, ст. 1242) в редакции Федерального Закона от 19 июля 1995 года № 110-ФЗ ("Собрание законодательства Российской Федерации", 1995, № 30, ст. 2866), статьей 7.12 "Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав" Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в редакции Федерального Закона от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ и статьей 146 "Нарушение авторских и смежных прав" Уголовного кодекса Российской Федерации.

Голобоков Андрей Сергеевич

**КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
В АЗИАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Дизайн обложки: В. Н. Пятакович
Корректор: А. В. Боярченко

Подписано в печать 15.05.13
Формат 60X90/16. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7,34.
Зак. 310

ООНР ВУНЦ ВМФ «ВМА им. Н. Г. Кузнецова»
(филиал г. Владивосток)